

ПРАВДА С НЕБА

Александр Иванович Муленко родился в 1961 году в Новотроицке. Служил в стройбате. Был участником Чернобыльской кампании 1986 года, работал огнеупорщиком. Последние пятнадцать лет своей трудовой деятельности обучал строительным специальностям осуждённых в колонии строгого режима. Кандидат в мастера спорта по шахматам, участник областных и всероссийских турниров. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Новотроицке.

Рассказ первый. Борщ

*Душа исцеляется рядом
с детьми.*

Ф.М. Достоевский

Спасательная контора «Сова» выживала в пустующем Доме быта — на верхнем этаже. Когда случались большие дожди или таял на крыше снег, в её помещениях стояла вода. Для сбора капели и там, и тут на полу находились ржавые тазики, вёдра, большие пластиковые бутылки с отрезанными верхами, иные водоприёмники. Словно заслоны, в лужах чернели мокрые тряпки.

Ещё недавно здесь находилась главная служба гражданской обороны. Но она перебралась в городскую управу, где было сухо. Старые наглядные пособия по защите горожан от всякой напасти в беспорядке громоздились стопками на полу, забытые навсегда. Пахло бумажной гниlostью, разрухой.

Самая большая комната в этом жалком месте была одновременно и кухней, и механической мастерской, и местом для отдыха дежурных. В этом зале сушили, подвесив, постиранные вещи или водолазное снаряжение, разложив его на полу. На многочисленных полочках, прибитых до стенок, лежали слесарные причиндалы: молоточки, напильники, лекала, метчики, пассатижи, зубила, гаечные ключи. В отдельной жестянке хранились гвозди, болты и гайки. Имелся электротельфер.

Помимо спасения попавших в беду людей, «Сова» занималась посильными ремонтами электроприборов и выполняла высотные работы с верёвок.

В кладовке имелась посуда. Старая алюминиевая кастрюля, у которой вместо давно потерянных ручек были проушины, сделанные зубилом, находилась на верхней полке. Чтобы её достать, Машенька встала на стульчик и потянулась, однако не удержала кастрюлю в руках, и посудина, в которой лежали ложки, трезвоня, словно школьный звонок, покатила по кафельному полу в сторону кабинета, где проходили вечерние занятия резервистов новой спасательной службы. Там обучалась Машина мама. Она корила дочку за всякие оплошности и ошибки. Девчонка боялась нравочений. Но сегодня никто не услышал случайного

шума, поднятого кастрюлей, не появился из класса, не отругал Машеньку. Она догнала громыхающую посудину и быстрёхонько водрузила её на плиту. Используя ковшик, девочка набрала в кастрюлю воды и стала готовить пищу для людей, дежуривших этой ночью вместе с мамой. На улице стояла зима. Дружелюбные водолазы Розенманы, Борис и Моисей, уехали поднимать из реки машину, ушедшую под лёд. Братья Петровичи, Толик и Федя, открывали двери в квартиру, захлопнутую извне. Врачиха Ирина Суценко вместе с мужем гримировали кого-то для похорон. Ближе к полуночи все они вшестером должны были вернуться в дежурку, чтобы покушать и отдохнуть. Девчонка про это знала и варила свекольник по-украински.

Мы проходили строение черепа человека. Отвечая на контрольный вопрос учителя, я назвал несколько костей:

— Нижняя челюсть, верхняя челюсть, переносица, темечко...

Сзади шёпотом подсказали:

— Височные кости, лобная, зубы...

— Конечно, зубы... Как же я про это забыл? В зубы я получал неоднократно. Даже чаще, чем в темечко.

— Ты, Саня, на экзамене в Оренбурге тоже будешь так же себя вести? — раздражённо спросил у меня начальник нашей

спасательной службы Андрей Степанов. — Твой ответ не стоит даже двойки.

Мне стало стыдно за то, что я прожил как Саня сорок с лишним лет. Но это обращение ко мне во время учёбы было всё-таки уважительнее, нежели Александр Иванович на суде, скажем, за что-нибудь дурное, позорное, подлое, сделанное напрасно.

В нашей обучаемой компании находился один практикующий невролог. Звали его Сергеем. Он работал в тюремной больнице.

— Андрей Николаевич, мы с тобою учились много лет, — сказал Сергей. — В каждом классе нашего медицинского института висели наглядные плакаты по анатомии человека. Одни скелеты чего стояли: увидел, потрогал, запомнил каждую косточку, все суставы. Мышцы мы видели в морге, держали скальпель. Но что можно запомнить, не листая книжек, по вечерам за четыре месяца обучения? Это очень короткий срок. Ты к Сане несправедлив.

— Правда, — согласился Андрей. — Только в Оренбурге про это не расскажешь. Я в прошлом году трижды привозил на пересдачу своих первых лучших учеников. Всякий раз их валили безбожно, хотя ты, Серёжа, знаешь, что Розенманы и Суценки подкованы в медицине лучше, чем Саня.

Я тоже об этом знал...

Кто-то пришёл в нашу спасательную контору по зову сердца. Розенманы потеряли морскую службу после оптимизации флота. Серёга искал подработку на стороне. Другие учащиеся, их было до двадцати, желали новые корочки для иного трудоустройства в случае сокращения штатов по основному месту работы. Я был из них. Машенька и мама её Эльвира переехали в Россию из Харькова. Поначалу Эльвира была пилотом в нашем лёгком спортивном клубе, но его частично прикрыли, и одинокая безмужняя женщина сегодня стирала за копейки в детском саду бельё.

Скрипнула дверь. В проёме стояла Машенька.

— Вы пойдёте на перемену? — осторожно спросила она.

— А что случилось? — поинтересовался Андрей.

— Сколько надобно почистить картошки для борща, чтобы накормить сегодня ночью восемь человек?

— Я же тебе уже говорила, — ответила мамка, — на каждого человека нужно по две картошки.

— Значит, всего шестнадцать?

— Двадцать, — решила женщина.

Машенька ушла.

Наши спасатели не получали зарплаты с весны и жили в ногу с другими трудягами города, не

имевшими достойных извилин для собственного дела. Ещё не единожды Машенька появлялась с вопросами о варке борща. Просила подойти к ней в кухню и попробовать его на вкус.

— Мама, а что мне нужно делать при пересолке?

Мы хохотали.

— Вылить, — сердито ответила мама.

— А если этот борщ вообще не солить?

— Так будет лучше. Когда он окончательно сварится, то мы с тобою будем готовить наутро пшённую кашу без молока.

— А кастрюля с готовым борщом? Она же большая. Она горячая. Она мешается под руками.

— Твою кастрюлю надо отправить на верстак.

— Это на главный железный стол? — уточнила Маша.

— Да, — утвердила Эльвира.

— А как мне её туда отправить?

— Ты уже большая девчонка. Соображай.

Все ночные уроки подряд мы весело галдели на высокие темы ради спасения людей. Машенька, ей было восемь лет, боялась наших улыбок. Чтобы над нею всякий раз не хохотали, она переставила готовый горячий борщ на верстак без помощи взрослых. Девочка неоднократно видела, как работает электрическая таль. Однажды Фёдор Петрович приволок большой

распределительный шкаф. На пару с Машенькой они поочередно давили на кнопки перемещений и довели набитую приборами железяку к месту ремонта.

— Ты просто умничка, — похвалил дядя Федя-наставник.

— Ты, Маша, уже почти готовая крановщица. Это самое настоящее, важное женское дело. Тебе доверят башенный кран.

Девчонка была счастлива. Сегодня она зацепила неподъёмную кастрюлю с борщом за все четыре проушины крючками крана и уверенно доставила на верстак. В классе не сразу сообразили, что в кухне-мастерской работает тельфер. Я первый, кто это понял.

— Эльвира, ты только послушай, неужели это наша Мария что-то передвигает?

— Ах, горе-девчонка. Это же борщ. Она обожжётся.

Мы помчались на кухню.

— Как ты посмела взяться за кнопки? — вскрикнула мама.

— Мне дядя Федя разрешает управление краном. Он говорит, что я уже почти готовая крановщица. Я, мамочка, этот борщ специально недосолила. Пускай они его сами посолят, сколько им хочется...

— Ты, Машенька, почему не позвала к себе на помощь? — пилила мамка. — Ты же могла любого из нас позвать: и дядю Саню, и дядю Андриюшу, и дядю Серёжу. Они сильные люди.

Маша расплакалась.

— Я приходила к вам по нескольку раз, но вы такие были важные, недоступные. Я боялась.

— Хватит её ругать, — приказал Андрей Николаевич. — Маша, не плачь. Мы станем лучше.

Рассказ второй. Свитер

Люди были созданы для того, чтобы их любили, а вещи были созданы для того, чтобы ими пользовались.

Мир в хаосе потому, что всё наоборот.

Далай-лама XIV

Говорят, сжигать старые вещи — хороший обычай. А я люблю их, в них уютно. Был у меня свитер: синий, в снежинках, недорогой. Подарили на день рождения, когда я закончил учёбу в школе. Свитер был чуть-чуть великоват, однако я не стремился выглядеть стильно. Родители внушили, что главная человеческая ценность — в душе. Сегодня я понимаю лукавство близких людей, воспитавших меня аскетом. Жили мы скромно, поэтому и одежда покупалась на вырост.

Я не сильно вытянулся за годы армейской службы, и тёплый подарок ещё долго сопровождал меня по жизни. Послеармейская молодость прошла в командировках. Четыре года я отработал в отделе комплектации экспедитором.

В холодные дни зимы поднимал шерстяной воротник свитера на уши в ожидании транспорта на дорогах, куда забрасывала нелёгкая служба. Угла я ещё не имел, первая квартира появилась вместе с сединой. Из парадного свитер стал повседневным.

Когда я работал на стройке каменщиком, мне было холодно даже в бытовке. Во время переодевания руки и ноги покрывались гусиной кожей, знобило, и в лютые зимние дни я, не снимая свитера, накидывал на плечи бушлат. Подпоясывался и трудился до сумерек, выкладывая из кирпича особняки богатым людям, часами ползая на коленках по холодным плитам перекрытий. Рос живот, я старился. Старился и свитер. Когда у бушлата отрывались пуговицы, душа была нараспашку. Слабые шерстяные нитки свитера цеплялись за острые кромки керамического кирпича — дыра на животе обнажала рубаху. Каменными бусами на одежде висел застывший раствор. От горячего дыхания столбенел воротник, и крошилось на шее покрытое инеем ледяное кольцо. Я его мял руками, но, как солома, ломались нитки. Так мой свитер стал окончательно рабочим.

В годы приватизации подолгу не выплачивали зарплату, и совсем не от хорошей жизни я уехал в Тобольск на заработки. На дорогу моя мама обшила свитер заплатами, как фарту-

ком, на уровне живота, где он чаще рвался, нарастила потрёпанный воротник, и более года я бичевал на чужбине, с головой утопая в тёплой одежде в минуты короткого отдыха на объекте. И пережил разграбление России.

— У меня больше денег нет, — сурово сказал однажды работодатель, — меня тоже обманули заказчики.

Я остался безработным, но ненадолго. На Орско-Халиловском металлургическом комбинате с пятимесячной задержкой всё же ещё выплачивали какие-то копейки рабочим и кормили голодных людей на молочные талоны в обед. Зимой мы по очереди разбирали кирпичную дымовую трубу и, поджавши колени к подбородку, коротали холодные дни у костра. Жгли деревянные поддоны. Сидя на ящиках, грелись, отмахиваясь от постреливающих в небо углей да от падающего снега, — бытовки у нас не было. Мы бухикали и сморкались. Периодически бригаду снимали на ремонты мартеновских печей. «Это чтобы вы не околели от стужи», — посмеивались цеховые воротилы. И опять мой любимый свитер хранил меня — от жары. К этому времени он был сильно истрёпан.

— Не позорь участок! — оправдывая свою высокую должность, нравоучительно беседовал

со мною лощёный с виду мастер и, зевая, удалялся отдыхать в служебную нору.

Я метал кирпич на транспортёрную ленту: за поддоном поддон, за тонной тонну. Когда становилось жарко, снимал с плеч лишнюю одежду и в одной рубашке лихорадочно выполнял задание. Тяжёлые суконные брюки сползали с тающего живота на бёдра, я их подтягивал обратно, рубашка пропитывалась потом. В обеденный перерыв, во время короткого сна, она высыхала на горячем ветру, камenea на спине, и рвалась от небольших усилий, обнажая лопатки.

Ходят большие начальники по объектам, поглядывают сверху на работяг и делают им замечания... Как-то один из них пожалел меня и поинтересовался: почему, мол, рубашка такая рваная, а спина моя голая, не холодно ли?

— Ась? Я не слышу, начальник, — ответил я.

Громыхали мостовые краны, стуча по рельсам, перекатывались по цеху тяжёлые вагонетки с металлоломом.

— Спина-то как? — заорал он блаженно. — Не покрывается ли инеем? Зима ведь на дворе.

— Жарко...

Нашёл он мастера, поднял его из логова, пожурил немного по-свойски. Тот обиделся. Когда мой заступник ушёл восвояси,

мастер оцетинился и накинулся на меня.

— Ты почему жалуешься вышестоящему руководству?

— Виноват, Пётр Иванович...

— Ты не знаешь субординации...

Плюнул бы я тогда на руку себе — закипела бы слюна. Плюнул бы я в постылые глаза мастера — заволокло бы их льдом.

— Ты почему не переодеваешься в новый лепень? Не по форме одет...

Я говорил ему о времени, о вещах, что они дороги мне каждой заплатой. Что они хранители нашей истории — вещи — и рассказывают о прошлом больше, нежели иной отутюженный поэт или прозаик. Но не понял меня мастераюга:

— Накажу! — и принял меры... После смены я обнаружил, что мои любимые вещи, свитер и бушлат, исчезли бесследно. Я ходил по мартеновскому цеху, разыскивая их, заглядывал во все металлические ящики — мульты, которых так много здесь на каждом ремонте, протискивался между наваленными в беспорядке строительными материалами и конструкциями, спотыкался о разбросанные повсюду обломки динаса, расспрашивал окружающих: не видели ли пропажу? Седой сталевар догадался, о чём я пекусь, и успокоил:

— Не ищи.

Мою старую одежду выкинули в мульту с металлоломом и отправили в печь. В этом огне сгорела часть моей жизни, а новый лепень я вскоре без жалости выбросил сам, потому что он не грел мою душу. Бессердечные люди хотели, чтобы я его носил.

Рассказ третий. Верёвка

Каждое утро, услышав мою возню, мамка выходила навстречу и предлагала бокал молока. Я собирался в металлургию, где от рассвета и до заката ремонтировал промышленные дымовые трубы и печи. Бытовки, чтобы погреться, мы не имели и спасались от холода под лёгким навесом, сооружённым из старых помятых листов кровельной жести. Три из них стали стенами. Они предохраняли от ветра. Четвёртый лист лежал как крыша. Но не живые человеческие души волновали моё начальство. Внутри полуоткрытой коробочки находилась электрическая лебёдка. Атмосферная слякоть была опасной для её механизмов. Мы же являлись терпеливыми, крепкими, сильными и надёжными русскими парнями-богатырями, как в советском кино, способными на любую работу в любую погоду. Рядом с навесом стояла закопчённая бочка. В ней горели дрова. Дымило. С утраца мои сотоварищи кипятили горький зелёный чай, а ближе к обеду

доставали из своих помятых котомок продукты, принесённые из дома, и варили из них супы. Доска, на которой они сидели, толкаясь во время приёма пищи, опиралась на слабые кирпичные столбики — шаталась. Жалкие с виду люди ели с коленок, согнувшись, виновато поглядывая в сторону конторы, стоявшей неподалёку. Остатки неиспользованной картошки хранились под лавкой в старом ведре.

Недавно мы поднимали верёвкой укосину будущего крана. Нас никто не подгонял. Монтажные работы закончились успешно, без крика, без назиданий. Верёвка стала ненужной. Она без дела валялась на верхотуре, незаметная снизу. Однако исчезла.

— Я понимаю, что это кто-то из наших нашёл дополнительную халтурку и утянул, — сказал Валерик.

Его недавно назначили на место вчерашнего бригадира, ушедшего в запой после полученной травмы. Валерик послушно радел за производство, за наш инвентарь, за материалы. Остальные — мелковатые, ведомые им человечки, мы терпеливо ожидали, что забравший верёвки кто-то себя обнаружит и предложит схалтурить вместе с ним.

Я ответил Валерику:

— Тайна нужна, чтобы не получилось раздора. Иначе мы передерёмся за лучшее послезавтра.

Но за шашки платили сразу и много. Пропавшая верёвка была надёжной для промышленного альпинизма, входившего в моду.

— Разве это не ты главный халтурщик на комбинате?

— Нет, это не я.

— Тебя накажут.

— Твои понты, Валера, напрасны.

Сегодня наш суетливый делега сердито отметил, что картошки в его хранилище тоже почти не осталось. И снова с вопросами. И ко мне.

— Кто-то ворует...

— Не знаю...

— Крысят у нас в ночную смену... Ты почему зеваешь? Плохо спишь?

— Я тут ни при чём. Это, наверное, полтергейст или чупакабра.

Только пропажи имели место.

Если к ней прикоснуться, то дымовая труба снаружи немного тёплая от огня, гуляющего внутри. Когда она не прогревается до верхушки, то в месте появления росы нарастает лёд. Он обрывается и падает, ломая железо. Мы ремонтировали смотровые площадки, разрушенные за годы эксплуатации трубы, и занимались её окраской в сигнальные для самолётов цвета — красный и белый. Первая четвёрка рабочих поднималась на трубу до обеда, вторая — после него. Низовые управляли лебёдкой,

разливали краску по вёдрам, готовили дополнительные стяжные кольца для монтажа. Когда работы у них кончались, люди, поживаясь, сидели на лавочке или бродили, как я, без дела по горячему прокатному цеху от печки к печке, отогреваясь от высоты, от ветра, от снега.

К вечеру в каждом ведре оставалась немного краски. Вымазывая липкие кисти о будочку, я обновил грязные стены. Наш мастер перепугался. Почти ежедневно мы задавали ему вопросы про зарплату, роптали, ругали нерадивую нынешнюю власть, вспоминали честные времена. В белизне окружающей нас зимы будочка, где стояла лебёдка, стала красной. Она светилась, как знамя вчерашней славы.

— Ты, Сашура, не митингуй. Из конторы это увидят и накажут всю бригаду.

— А что дурного, Пётр Иванович?

Так звали нашего мастера. Он ответил:

— Разве мало было тебе подлой советской власти?

— В то время мне обещали достойную жизнь.

— А по-твоему, нынче она плохая?

— А разве она хорошая? Я же без денег...

— Скажи спасибо, что ты живой.

— Спасибо, Пётр Иванович.

— Закрась... Немедленно закрась это другой краской. И не позорь мой участок.

— Напротив, я его славлю. Я обновил заржавленные листы, подобранные тобою на свалке металлолома.

— Ну, где я тебе достану новую тёплую будку, чудак-человек? Ты же знаешь, что её сопрут, как верёвки, в первую ночь.

— Поставь охрану...

После ухода мастера я нарисовал эмблему нашей компании и написал под нею злободневное, ядовитое богохульство: «Когда не можешь воровать, тогда работай, твою мать».

За стеною сортопрокатного цеха громыхали тяжёлые краны, дрожали шаткие панельные стены, осыпалась известька, с нею крошился старый раствор и ржавело в ожидании антикора давно не крашенное железо подкрановых балок. Дымовая труба качалась от непогоды. Сидя с подвешенной стороны, мы говорили о нелюбимой работе.

— Страшно не то, что она опасная, трудная, — признался напарник. — В нашем деле отсутствует творчество. Даже простой строитель, выкладывая новый кирпичный дом, причастен с архитектурой. За день он устаёт, но он доволен и поутру возвращается на свой объект с творческими силами, чтобы вновь созидать что-то оригинальное,

интересное: выкладывать сан-дрики, поребрики, арки, рустованные углы. Мы, Саня, этого лишены.

Назавтра бешеный ветер разрушил подмости. Толстые доски, вихляясь, летели с большой высоты на здания, на окружающие деревья, ломали ветки, били окна. Приземляясь на твёрдое место, они лопались пополам. Аэрационные фонари прокатного цеха были приоткрыты. Через них на крышу струилось живительное тепло. Подложив под спину две уцелевшие дощечки, я прилёг, чтобы отогреться, и быстро уснул, как сторож в ночное время, с чувством перевыполненного долга.

Проснулся от страха. На внешней пожарной лестнице цеха стояли сотрудники ведомственной охраны. Если бы я попался к ним в лапы, то был бы избит и уволен. Они повсюду искали нарушителей дисциплины и получали за это хорошие деньги. Обратная дорога вниз была перекрыта. Как заяц, я бегло петлял за фонарями в поиске других подсобных лестниц, ведущих в цех, но охотники тоже входили в раж. По радию они позвали подмогу. Уже появились новые гончие, когда меня окликнул вкрадчивый голос. Из-под створки аэрационного фонаря выглядывал бородатый мужчина.

— Влезай ко мне и цепляйся до верёвки.

На мне была страховочная система. Во время проведения высотных работ я с ней не расставался. Мы стремительно спустились на заброшенную площадку, где раньше находилась какая-то неважная техническая служба, утраченная в процессе сокращения штатов. Когда-то сюда приходили по металлическому маршу, но на сегодня его подрезали сваркой, и верхние помещения стали недоступными для подъёма.

— Это моё единственное жилище, — сказал бородач. — Ты про него никому не рассказывай. Пускай будет так, что мы с тобой не виделись и никогда не встречались. Через час у рабочих окончится дневная смена, и в это время я незаметно опущу тебя вниз.

— Ты кто такой?

— По-вашему — бож.

— А как тебя величать?

— Я Фима Гудкович. Ефим Захарович, бывший прапор-парашютист. Меня выгнали из армии с распадом страны.

— Где же ты оставил свои военные документы?

— Тебе не надо про это знать.

— Тогда молчу... Но верёвка-то наша. Ты, Ефим Захарович, её спёр.

— Вы, я думаю, получили другую, новую.

— Это так.

Гудкович прижился на комбинате, как в теле у человека приживается клещ. Бродяга носил

суконный костюм и внешне не отличался от настоящих работяг. Чтобы питаться в столовых, в те самые подлые времена мы вместо денег получали бумажные талоны различного номинала. Их частично выдавали под роспись вместо зарплат. Каждое первое число использованные в столовых бумажки собирали в мешки и сжигали в нагревательном колодце, где металлурги готовили блюмы к прокатному производству. Однажды утилизаторы ушли из цеха, не ожидая подвоха, чуть раньше, чем бумажки сгорели до конца. Гудкович бросился в пламя и спас уцелевшие «деньги». Более месяца он кушал три раза в день. Но вот напечатали новые чеки. От прежних они отличались цветом. Пришла нужда.

— Сегодня я собираю в столовых объедки да хлебушек, — признался Ефим.

Среди рабочих тоже были такие жалкие люди. Им помогали, кормили едва ли не с рук по-христиански, но чаще смотрели безбожно — выше них или сквозь...

Рассказ четвёртый. Авария

На домне случился взрыв. Полцеха накрыло кипящим шлаком. До крыши бесновался огонь, гудело пламя, клубился едкий тяжёлый дым. В этой нелепой аварии погибли два человека: горновой и крановщица. Ещё трое рабочих были обожжены.

Они выживали в реанимации — горячие, липкие, страшные, с внедрёнными в тело трубками. Вся могучая сила медицинской науки окружила несчастных: питательные растворы, кислородные маски, искусственная кровь, опека и суета наилучших докторов.

В эти минуты четыре сменные бригады огнеупорщиков из нашего цеха боролись с пожаром и разгребали последствия разрушений. На самый дальний спокойный участок к нам, бытующим на морозе, самолично заявился самый главный инженер и приказал:

— Довольно прохлаждаться на высоте, есть новая работёнка. Сейчас идите домой... Ближе к ночи остановится сталеплавильная печь. Почти все мои надёжные люди сегодня на домне, везде не хватает рук.

Нам предложили принять участие в ремонте важного объекта. Мартены выплавляли главную сталь. Однако сменные работяги выходили на пенсию в пятьдесят, а мы не имели такую льготу и всегда возражали против любой горячей точки.

— Поувольняли, — брякнул Пётр Иванович. — И худших, и лучших, и просто пьяниц.

Мастер держался посередине между нами и конторой. Он был излишне миролюбив, опасался протестов. Но я на этот раз промолчал. Другие ребята тоже виновато сверлили глазами землю.

— Вы, — информировал мастер, — пойдёте в насадку вместо третьей бригады, ночью. Так решило наше начальство. Если не будет своевременной стали, то не будет и денег для порядочной жизни.

— Этих самых бумажек, что ли, нигде не годных, кроме как в нашей столовке? — не выдержал я.

— Хотя бы и так. Не бузи.

Тридцать две тысячи человек не знали честных и своевременных зарплат. Оптимизаторы производства хотели оставить на комбинате всего десять тысяч работников и планомерно давили на всех неудобных, капризных и незащитных — не вписавшихся в рынок. Но в этот тяжёлый день объявили вакансии. Ночью в каждой бригаде появились новички. Текущий ремонт мартена необходимо было выполнить за неделю. В той части цеха, где проходила наша работа, висели сосульки — от грязи мутные, страшные. Они обволакивали фахверковые колонны, душили и гнули многочисленные рыхлые трубы, откуда постоянно сочилась вода.

Не хватало яркого света. Мигали тусклые лампочки. Гирлянды были подвешены за конструкции, высоко, и казалось, что это звёзды в небе, далёкие от нашего мира. Если проводка качалась, то, как зарницы, искрили проводочные скрутки.

Мы вскрыли насадку. Её колдцы были неприступные, пропечённые — вишнёвого цвета. Через каналы, где ещё недавно гулял огнище, тянуло горячим ветром. Витала чёрная пыль. Она обжигала лицо, оседала за воротник суконного костюма, жалила оголённую шею — впекалась в кожу. Когда насадку охлаждали водой из шланга, клубился, как в бане, горячий пар. Старые оплавившиеся камни мы валили ломами, разбивали кувалдами, грузили на транспортёрную ленту и отправляли в думпкары — как мусор. Потом опять поливали вишнёвые кирпичи. И снова была «парная». У ботинок подгорали подошвы, пахло резиной. Наши войлочные костюмы тончали и покрывались жжёными пятнами. Мы потели, пили горячий чай, минеральную воду.

Во время ночного обеда наши новые товарищи покинули мартены. Едва полученные суконные куртки, каски, толстые рукавицы нашли аккуратно сложенными у вещевого склада — утром. Эти люди расплавились, всего на минуту прикоснувшись к огню.

Бездомный старик и бродяга Гудкович тоже загнулся. Последние истёртые зубы у него стучали от холода. Глядя под ноги, он упирался головою в стену медпункта и дожидался, когда закончится пересмена у дежурных врачей и медсестёр.

В эту минуту я возвращался в душевую после прожитой смены.

— Здорово, Фима.

Едва шевеля губами, он отошел и поведал мне о своей болезни, о проблемах, связанных с нею.

— Когда я первый раз пришёл за таблетками, они спросили мою фамилию и цех. Я соврал. Врачиха подняла какие-то учётные бумаги по профосмотру и не нашла моё имя. Мне дали аспирин, одну таблетку, сделали какой-то неважный укол и написали направление в поликлинику.

Я знал, что у Ефима нет никаких бумаг.

— Вчера я обратился в медпункт повторно. Мне опять помогли. Но врачиха позвала кого-то из кадров, и этот мужик меня не признал. Он дошёл за мною следом почти до самой крыши. Потом из своей конуры я услышал топот уверенных ног. Меня искали всё те же самые охранники, которые охотились за тобой.

— Нашли?

— Как видишь. Мне, Сашка, тюрягу не пережить.

Я решил ему помочь, зашёл в медпункт, попросил антибиотиков.

— Ух ты, какой на руку скорый да деловой, — сказала врачиха.

— Я дам четыре талона на обеды, больше сегодня нет.

— Значит, даже взятка? Тебя подослал вон тот человек?

В окошко она увидела Ефима.

— Он болен, — ответил я, — и вы должны ему помочь.

— А ты его знаешь?

— Конечно. Это Ефим. Он из нашей бригады.

— А мне он сказал, что Николай.

— Вы, наверное, подзабыли.

— Тебя-то я, Саша, знаю неплохо... Вот приедет сюда милиция, тогда вы ответите на пару с Ефимом.

— За что ответим?

— Вы оба врётё. Тебя уволят, его посадят.

— Таблетки-то выдайте, он же трясётся, как заяц, чавкает, словно жаба.

— Зови.

В спасательной школе мы обучались делать уколы, наш Андрюша, бывший врач скорой помощи, с кем-то договорился и намерен привез в контору целый чемодан всяких медикаментов.

— Нам бы ещё больного, — задумался он. — Я бы рассказал и показал, что и как надобно делать в критические минуты. А пока колите друг другу в вены физиологический раствор. Он безвреден.

От этой напасти я отказался, но сегодня, встретив Гудковича и внимая угрозам медицинского персонала нашего цеха, вызвал по телефону свою спасательную службу, где обучался доброте. Трубку взяла Ирина Суценко.

— Как хорошо, что ты на месте... Ирина, мне нужна машина с врачами.

— Есть такая машина. Куда подъехать?

— К цеху ремонта металлургических печей.

Федеральные службы не отъезжали от домны. Пожарники тушили огонь, врачи лечили ожоги. Люди, разгребавшие остывающий мусор, падали от усталости. Неотложки приезжали из города и отъезжали обратно в город попеременно, не проверяясь на проходной. Ирину впустили в режимное пространство под честное слово, едва она сообщила о том, что работает врачом в спасательной службе. Мы отвезли Гудковича в нашу обитель и положили его на раскладушку в том же самом проходе, где недавно стояла вода. Ещё лежали мокрые тряпки, гнили полы, плакаты и книги по гражданской обороне, забытые исполнительной властью нашего города. Пахло тленом прогнившего дерева.

— Саня, иди домой и отсыпайся, — разрешил Андрей Николаевич.

— Ты же обещал меня научить делать какие-то уколы. Я привёз пациента.

— Это хирургическое вмешательство, ты не имеешь права.

— Но другие кололись?

— Безобидно... Кололись. Было.

— Значит, дискриминация. Вы недавно ходили в морг. Я знаю, резали трупы, а я ремонтировал мартен.

— Ты, Саня, как ребёнок. Это по благу держали скальпель. На теплотрассе умер один никому не нужный бомжара.

— Фима тоже бомжара. Он жил в заброшенном помещении.

— Но Фима ещё живой.

— Ты будешь опять на меня публично ругаться, Андрей Николаевич, что я не знаю, как устроен человек изнутри.

Супруг у Ирины Сущенко когда-то командовал в морге. Звали его Иваном. Мужчина изрядно выпивал. Однажды его поймали с поличным. В мертвецкой стояла початая бутылка. Ивану дали по шапке, и после этого он устроился в спасательную службу — как врач. Сегодня, слушая нашу пустую свару, Иван осматривал Ефима и думал, как его лечить.

— Был случай в морге, — поведал он. — К нам привезли синего человека. Не из колодца, не с теплотрассы, но тоже вроде Ефима почти бомжара. Бухарик выпал из окошка женского общежития с четвёртого этажа и попал прямо в сугроб. Наши врачи, менты, его подруги подумали, что ему каюк, вздыхали досадно. Стоял морозище минус сорок. В морге горе-любовника раздели, в кармане у него обнаружили паспорт, заточковали в

покойницкой книге и положили в подвал до похорон. А тот возьми да очнись. Понять ничего не может. День ли на улице, ночь ли, куда он попал? В проходе мерцает синий дежурный свет. Рядом лежат настоящие трупы, покрытые простынями. Ни храпа, ни тапочек, ни окошек. В помещении холодрыга, словно на улице. «Эй, — толкает соседа в бок, — это какая наркология?» Тот, понятно, молчит. «Что вы тут все такие грустные? Обколоты, что ли?» — спрашивает бухарик. Была у нас одна боевая дежурная санитарка, одинокая женщина. Ни трупного запаха, ни мертвяков, ни скорбящей их родни — ничего не боялась. Даже денег на лапу не принимала, ей бы сникерсы да водочки, и сразу всё. Так и прозвали — Верка-сникерс. И вот из мертвецкой выходит наш голый синяк, наружу все его достоинства, тоже синие, как и сам, и говорит стихами: «Сестрица, мне бы напиться — сушит безбожно. Где же водичка?» Она с копыт — и не дышит. Но парниша не растерялся, спас подружку. Вызвал скорую помощь и принял на душу двести грамм.

— А что потом? — спросил Ефим.

— Потом? — задумался доктор. — Потом они поженились и жили долго и счастливо... И умерли в один и тот же день, отравившись палёной водкой.

Назавтра Ефиму нашли матрац, достали постельное бельё и подушку. Отмыли в тёплой ванне, переодели в чистые тряпки. Накормили. Его раскладушку поставили около батареи отопления в классе, где проходили наши занятия по одушевлению попавших в беду людей. Больного укрыли занавеской, похожей на одеяло. Поверх неё Гудкович накинул свою суконную куртку и, как наглядное пособие, отныне присутствовал на каждом уроке нашей спасательной шарашки. Рядом с его постелью, как древко от знамени, стояла инфузионная стойка для внутривенных вливаний. Мы кололи в Ефима магнезию, физиологический раствор, вертели его тяжёлое тело для массажей, поили отварами душистых трав, желая ему скорого исцеления и поправки. После наших инъекций бездомный бродяга засыпал и храпел, мешая вести уроки учителям. Фиму толкали, топали на него ногами, кричали полуцензурно — неэффективно. Дрых Гудкович.

Спасательные работы немислимы без технических видов спорта. Учащиеся вязали верёвочные узлы, готовились к восхождениям на многоэтажки. Андрюша рассказывал байки.

— Опасно двигаться по стенам.

Мне тоже хотелось погово-
рить.

— Конечно.

Да не давали, я не успевал
вставить лишнее слово.

— Был случай, — торопил-
ся Андрей. — Одна пожилая
женщина попросила отворить
захлопнутую дверь. Форточка
была приоткрыта. Мы накинули
на стену дома верёвки. По ним
я спустился с крыши до четвёр-
того этажа и распахнул оконные
створы. Вижу — напротив меня
стоит косматый забуддыга, в
руках у него ружьё. Я тут же
на соседний балкон, как кош-
ка, прыг, а комнатный страши-
ла как бахнет крупной дробью.
Одну верёвку срезало напрочь.
Стрелок выглядывает на улицу
и вставляет в заломленный ствол
новый патрон. Его жена бараба-
нит в дверь, орёт, называет его
пьянчугой, люди внизу на ули-
це машут руками. Я на балконе
схватил какое-то корыто, под-
нял его, как рыцарь щит, жду,
перепуганный, расстрела. Да,
слава богу, пронесло, очухался
пьяный. Услышал свою люби-
мую супругу и послушался её. Я
остался живой.

— Это человеческий фактор,
Андрей Николаевич.

— Так человеческий фактор,
Саня, в нашей жизни и есть са-
мая страшная непредвиденная
опасность, все остальные вопро-
сы решает охрана труда. Как-
то в подобном деле мы спасали
даже любовника. Спустили его

на верёвке вниз то ли в чилигу,
то ли в крапиву. Завыл казано-
ва от боли, как серый волк, и
попался в лапы рассерженного
мужа.

— Это мерзкое дело.

— Чилига или крапива?

— Ворованное счастье.

Через день Андрей Никола-
евич заявил, что мы должны
иметь разряды по парашютному
спорту.

— В пятницу, это послезав-
тра, я достану керосин. С пи-
лотами я всё улажу. Мы с вами
подыдемся в небо и за пару вы-
ходных отпрыгаем на первый
спортивный разряд. В Орен-
бурге требуют корочки по этому
виду спорта.

Гудкович проснулся и при-
поднялся на раскладушке.

— Ты что-то хочешь сказать?
— спросил Андрей.

— Я подготовил много пара-
шютистов.

— И что из этого?

— Ты, Андрей Николаевич,
знаешь, где и сколько надо сде-
лать прыжков на первый спор-
тивный разряд? — тихо спросила
Эльвира.

— Не знаю... Сколько?

— Двадцать пять.

— Это не так уж много. А где?

— В официальных соревнова-
ниях. Кто же за выходные столь-
ко раз поднимет в небо твой
единственный самолёт?

— А ты-то откуда про это зна-
ешь?

— Я мастер спорта.

Услышав это признание от женщины, Гудкович захлопал в ладоши. Мы заорали от восторга, не соблюдая субординации, приличий. Эльвира важно добавила:

— Андрей Николаевич, а у тебя парашюты есть?

— Там же, в спортивном клубе, пообещали за керосин.

— Это не те парашюты, чтобы прыгать на разряд. С этими парашютами даже с вышки сигать опасно — штопаные и перештопанные.

— Да ну?

— Я в этом клубе работала пилотом.

— Ай да Эльвира, — рассмеялся Гудкович.

Мы тоже захохотали.

— Сестра ты моя родная! — орал Ефим.

«Подлое государство, если лучшие люди, чтобы выжить, стирают бельё и ночуют на крышах», — подумал я в ту минуту, считая себя таким же великим и обделённым судьбой, как они. Но в жизни я был ничтожнее, мельче, грешнее.

— На спортивный разряд, Андрей Николаевич, нужно освоить четыре разных вида парашюта. Тебе их никто не даст. Я тоже.

Она хранила свои парашюты в память об этом виде спорта, зная, что никогда уже не поднимется в небо.

— Эльвира, — робко спросил Андрей, — а сколько ты сделала прыжков?

— Двести с лишним, — ответила она. — Однажды из стратосферы. Потом я родила Машеньку и бросила парашюты.

— Я — три, — признался Андрей. — Всего три раза, всего три прыжка. И те я сделал с вышки. Это совсем ничего.

— Зато ты спас от смерти много больных, — успокоила женщина. — Это очень большое и геройское дело.

На экзамене мы провалились. Другие спасательные отряды из области тоже не блеснули науками и несолоно хлебавши уехали в конторы, где выживали, сопротивляясь оптимизациям государства. Многие школяры-спасатели из нашей группы навсегда поставили крест на этой безумной затее. Только упёртые готовились к передаче. Без просьба две недели мы повторяли вопросы пожарной охраны, листали медицинские книги, говорили про асептику-антисептику, перебирали дыхательные приборы, вязали страховочные системы для работы в горах и настраивали полиспасты. Ближе к Новому году воротились в Оренбург для передачи с надеждой на аттестацию.

Эльвира стояла вместе с Машенькой не для того, чтобы вызвать какую-то симпатию или жалость у людей, вершивших судьбы в коридорах государственной власти. Её девчонка не захотела оставаться дома одна. Путешествие в новый столичный

предпраздничный мир было заманчивым, интересным для ребёнка. Серёга, старый тюремный врач, как медик немало знал, но, словно чётки, волнуясь, вертел в руках два связанных вместе капроновых шнура, перебирая верёвочные узлы. Я приехал нараспашку, в дороге лопнула молния у куртки. На толстовке висели очки с отломанной дужкой. Андрей Николаевич держал в руках толстенную тяжёлую папку. В ней хранились все наши досье и другие бумаги. Наш высокий учитель, казалось, приуменьшился в росте, ослаб и не был похож на жоака.

Столы, кабинеты, коридоры — это пространство, отделяющее великую властность от подвластной мелюзги. Ежедневно живущие в нём начальники смотрели на нас терпимо, как на что-то, ещё не затравленное до смерти. Мы являлись послушными и полезными микробами в стране, где они выдумывали законы о счастье. В аудиторию проходили небудничные люди. Возможно, что это были специалисты каких-то хороших добрых дел. Мужчины учтиво растворяли двери перед своими нарядными подружками, острили, щипали их ниже пояса сзади и косо разглядывали нас — нелепых в этом шикарном мире, желавших их оценок. Подошёл полковник из пожарной

охраны. На голове у него была большая папаха. Он казался высоким, важным. Это и был самый главный экзаменатор.

— Привёз, Степанов, свои дела? Исправил в них ошибки? Почему опоздали? — зычно спросил он у Андрея.

— Так электричка, Юрий Иванович, приходит после обеда.

— Могли бы приехать и на такси.

— Да где же деньги, товарищ полковник?

— Вы, поди, на сегодня готовы к ответам так же плохо, как в прошлый раз?

— Намного лучше, Юрий Иванович.

Вояка задыхался от лишнего веса.

— Молчи, Степанов, я тебе нисколько не верю. Орские, гайские, другие спасатели уже купили аттестаты — проставились. Давай сюда свои бумазеи и посылай вот этого недомытого гонца в магазин за водкой.

Полковник поглядел на меня. Потёртые брюки, калоши, лыжная шапочка, стоившая копейки в базарный день, выдавали моё ничтожество. Я оказался в фокусе глаз у человека, решающего нашу судьбу. Серёга-врач, Эльвира и даже Машенька, ещё не понимавшая этого, виновато смотрели себе под ноги, ожидая, что ответит Андрей Николаевич на эту просьбу. Двумя руками наш учитель поднял тяжёлую

папку с бумагами и ударил ею пожарника по макитре.

— Пошли отсюда, — сказал Андрей своё последнее слово.

Рассказ шестой. Мой небесный брат

Моё завещание — кольцо, часы и шапка.

То, чем я владел, после моей смерти направьте в хорошую сторону.

Из книги Саида-афанди аль-Чиркави «Сокровищница благодатных»

Выплавляли чугун, варили сталь, катали железо. Под Новый год на участок пришли обитатели нашей металлургической конторы и сообщили, что половину цеха отправляют в отпуска без содержания на производстве. Нам предложили каждому написать заявление об уходе на праздники.

— Вы хорошо отдохнёте, — обнадёжили управленцы.

— А если я не хочу без содержания? — возмутился Дмитриенко. — По трудовому договору вы мне обязаны предоставить все рабочие дни.

— Тебе же делают лучше, — деловито удивился главный инженер. — Дома ты наберёшься новых сил и побудешь вместе с детьми.

— У меня ипотека, а вы на сегодня отнимаете половину месячной зарплаты. Ищите мне занятие по договору.

Вся бригада молчала, сердито глядя на человека, рубящего правду. Я один поддержал Дмитриенко, и главный инженер взбесился не на шутку.

— Я вам подам такую работу, что вы загноётесь ещё до Рождества.

Трещали морозы, лопались водопроводные трубы. Свистело, фонтанило, парило в чёрной металлургии. В три объёма сосульки на холоде крушили бетон. В помещениях, где было потеплее, стояли вонючие лужи. Вода сифонила в душевых, в конторах, в бытовках — в местах, где мы никогда не грелись ни ранее, ни потом. Нужно было с нею бороться, да не хватало рабочих рук. Аварийные отверстия мы зажимали хомутами. Слово большая паутина, трубы простирались по всему комбинату и сверху, и снизу, и вдоль, и поперёк. Стреляя под рукава комбинезона и прокатываясь под мышки, кипятик обваривал руки. Хотелось отбросить всё на свете и хвататься не за жимки, а за ожоги на теле — разминать ошпаренные нервы. Да оторваться для этого от аварийности было сложно, в руках дрожали болты да гайки. И не было рядом никаких инструкций по безопасности, и не было подручных аптечек. Едва одно отверстие в отоплении заделывалось, поодаль появлялась новая дырка, а то и две. Циркулирующая вода искала выход через рыхлые

стенки горячих труб. Топило, парило, мочило, плыло.

— Ты, говоришь, недоучился? — ухмыльнулся Дмитриенко в процессе подкручивания гайки. — Не высypался ночами, занимался зубрѐжкой, грыз свою спасательную науку до икоты, да остался с носом.

— Я буду об этом вспоминать, как о чём-то хорошем.

— И быдлячить со мною вместе, не выделяясь из коллектива.

— Ну, скажем, что там работа тоже не из лёгких.

— Да, это так, — согласился товарищ. — Я с тобою согласен. Вчера перед моим уходом в ночь по телику показали твою спасательную конторку. Она отправилась на поиски школьников. В степи пропали три пацана. С утра эти ребяташки поехали кататься на лыжах в сторону Казахстана на реку Урал, да не вернулись. Два десятка мужиков, это ваши спасатели, связавшись верѐвками в единую цепь и освещая фонариками буран, фронтом отправились туда же, выкрикивая пропавших по именам. Среди них были и женщины. Даже одна соплячка мне по пояс. Шапка на ней с помпончиками, как уши у медведя. Курточка вроде с электроподогревом, — съехидничал Дмитриенко. — Тоже рвѐтся в телевизор.

— Это Машенька. Нет у неё никакой одежды с электроподогревом.

— А что же тогда её толкает и гонит в холодное поле?

— Горячее сердце.

— Ты, Сашка, поэт. Тебе бы в журналоги... Кстати, с ними на поиски отправился тот самый вонючий бомжара, который ошивался в нашей столовке и жрал объѐдки за честными людьми.

Я представил Ефима на охотничьих лыжах в беспросветном буране и улыбнулся.

— Нашѐл своё дело.

— Его за такую работу завтра прославят, а ты ишачишь в наказание за правду.

— Я бы мог не выходить, я не сантехник. Это только ради тебя. Твою ипотеку талонами не заплатишь.

— Я, Сашка, тебя за собою не звал, ты про это мне не ври, — рассердился мой напарник.

— А как бы ты, брошенный всеми, сегодня боролся с горячей водой? Ты же мне друган по злобе на государство, вот я и остался.

— Ох, как ты любишь выставлять своё благородство, а у тебя его ни на грош.

Ближе к утру мы работали на морозе вне бытовок и теплушек, жимковали трубы, которые было нельзя перекрыть ни на минуту. В процессе этой возни Дмитриенко, не унимаясь, всё язвил по поводу моей неудачной учёбы по вечерам. Я неосторожно рассказал ему, как пузатый

полковник из пожарной службы выпрашивал водку за аттестаты.

— А вы его за это по шапке?

— расхохотался Дмитриенко.

— Полковника, что ли?

— А кого же? И не купили аттестаты.

— До самых плеч сползла его папаха.

— Был у нас один работяга, трижды судимый, видел на этом свете настоящую жизнь и гордился великим прошлым. Однажды мы всей бригадой разгружали думпкар. Тысячи кирпичей передавали друг другу в руки, качаясь, гнули, ломали спины. Вагоны надо было освободить за два или три часа — не успевали. Этот деляга решил покурить, отрываясь от коллектива. Ему объяснили, что этого делать не можно.

— Ты это к чему, Владимир Петрович?

— А к тому я это, Саня... К нашему сидельцу подошёл бригадир и попросил вернуться к разгрузке. А тот ему нагло ответил, что в зоне, где он сидел, так не работали даже последние «петухи». Наш Серёга Иваныч, как твой Андрюха, поднял самый тяжёлый кирпич и ударил гадёныша по каске. Этому трепачу подрезало уши. Крови — полные рукавицы, мат-перемат, угрозы смертью... Уши попытались было пришить обратно наши врачихи, да не пришили, так и ходит безухий в космах.

— Жалко, что наш полковник был не в каске.

— А ты бы пошёл за водкой ради успешной сдачи? Только честно.

— Я бы? Пошёл бы, наверное, повесив гриву.

— Твой учитель про это знал... Он испугался тебя увидеть униженным и жалким, недоученым самому главному — правде с неба.

После окончания смены в душевой я крушил на одежде лёд. И куртка, и брюки стали твёрдыми, словно камень.

— Ты уже слышал? — спросил у меня, прощаясь, Дмитриенко. — В дежурке есть маленькое радио, нашли детишек.

Он раньше меня помылся, переоделся, развесил в сушилке свою одежду и уже покидал душевую. И не язвил.

— Не слышал. Как это было?

— Все трое они схоронились в маленькой садовой будчонке. В ней стояла буржуйка. Твой Ефим увидел искры, летевшие в ночь.

Назавтра все газеты написали об этом, расхваливая Ефима, Машеньку, мамку её Эльвиру и всю нашу спасательную службу, а между тем «Сова» доживала последние деньки. Весною я очутился около Дома быта и увидел своих товарищей по учёбе. Они ожидали фургон для переезда на окраину города, в далёкий, уютный Андрюшин гараж.

— Ты куда запропастился? — спросила Эльвира.

— Так я же не аттестован.

— Это не так. Я видела все твои документы. Через неделю их привезли из Оренбурга. Только они уже никому не нужны.

— Почему?

— Дом быта закрывают на капитальный ремонт. Это здание выкупила горно-обоганительная компания «Аккерман». Кроме этого, у Андрея окончилось право на льготное налогообложение. Он занимается перерегистрацией своего предприятия на водолазную компанию «Выдра» и будет дальше работать без всяких льгот. Есть много подрядов на карты дна. Другие спасательные шарашки из нашей области переходят под единое федеральное руководство.

Наивные — мы, как пони, мечтали кого-нибудь спасти, да не из гордости, а просто так, по-христиански, для внутренней радости, и учились для этого. Но оказалось, что бесплатная наша учёба была всего лишь эквивалентом за льготы юридическому лицу в уплате налогов. Той мишурой, которая как будто добро, а на деле уловка для выживания в государстве, где не было наличных денег, где продажность превыше всего.

— Фима умер, — сообщила Эльвира. — Мы не стали тебя искать.

— Когда я буду на кладбище после пасхи в родительский

день, то обязательно найду могилу этого человека.

— Я её покажу... Дело в том, что перед смертью он огласил завещание.

— Фима?.. А было что завещать?

— Ты, Саша, всегда обижался, что не был в морге. Помнишь, мы ходили на вскрытие бомжа, а ты в это время работал на мартене?

— Так я смеялся, я шутил по этому поводу.

— Мы это знали и схоронили нашего Фиму без тебя.

— А что же он завещал?

— Он завещал своё тело для изучения анатомии. И завещал он его тебе одному, как нашему лучшему Леонардо да Винчи. Так и сказал, прощаясь, наш Фима. Мой небесный брат.

СКАЗАНИЕ ОБ ЭЛЬВИРЕ-ЛЁТЧИЦЕ

Предисловие

Екатеринбург, 2024 год, май, жара.

Я новотроицкий шахматный бродяга и калека. Словно животное, лежу около екатеринбургского вокзала на асфальте и пью «Обуховскую» воду. Рядом валяются мои костыли. Люди бросают мелочь в бейсболку, на которой написано «ЛДПР». Подходит ко мне женщина в форме пилота и здоровается.

«Вы кто?» — спрашиваю я. «Я Маша, — отвечает она. — Вы нас когда-то учили высотным работам в спасательной школе "Сова"». Сегодня Маша — взрослая женщина. Она пилотирует самолёты гражданских авиалиний. Это частая героиня моих рассказов о давнем. С нею дочка Алёнка. Увы, я ничего не спросил про Эльвиру...

Честного судью можно узнать по заштопанной мантии.

Народная мудрость

Чадили промышленные трубы.

Рассекая дымы ножами крыльев, в небе кружился биплан.

— Или мне показалось? — удивился директор чёрной металлургии.

Он был единственным в нашем забытом богами, забитом городишке кандидатом технических наук. Если случалась важная пьянка, делега оставался в управе заночевать. Вчера ему за великое усердие в экономике вручили дюралевую медаль и объявили, что она золотая. Солнце ещё не взошло, а матёрая секретарша уже раскисла от притязаний великого управленца. Она натянула строгое платье и стала стройной.

— Вам не показалось, Павел Иваныч, — жеманно ответила служебная женщина, подкрашивая губы. — Эта небесная железка носится больше часа.

Грохотало важное производство. В разбитых окнах обветшалых цехов мерцали незатухающие огни сталеплавильных процессов.

Кукурузник взмыл в небо, сделал широкий круг над высокими отвалами шлаков и, возвращаясь, промчался между кирпичными трубами мартенов. В эту минуту сталевары запустили в переплавку сырую шихту. Взрыв оказался сильнее прежних. Пламя взметнулось в небо через аэрационные фонари. На крыше возник пожар. С бодуна управляющий комбинатом подумал, что в город пришла война. Его перегруженное сердце устало. Он упал, хватаясь за штору.

Биплан завис, как хищная птица, и задним ходом вернулся к мартену. Из самолёта широким потоком хлынула вода. Огонь исчез. Парила крыша.

В то раннее утро Эльвира Макаровна Ротенко катала доченьку Машу на «пернатой» машине. Мамка работала пилотом в спортивном клубе «Стрижи». Эльвире было около тридцати, а мелкому штурману Машеньке — семь лет. После успешного налёта в металлургию они умчались в сторону восходящего солнца.

Пилотов нашли. На скорую руку собрали скорый суд. С директорской стороны заявили лучшие правоведы. Они имели корпоративные заслуги, амбиции и большие зарплаты. Этим пронырам приказали начать участие

в споре как потерпевшим. Известные крючкотворцы, ловкачи и шаромыжники — запевалы процесса — огласили претензии: лётчица нарушила запретное небо над комбинатом, стояла тёмная ночь, и во время полёта имелась высокая опасность разрушения зданий. Вдобавок у директора, осознавшего это возможное несчастье, случился тяжёлый приступ стенокардии. Напоследок обвинители доложили, что полёт Эльвиры Ротенко — самовольный, к тому же в биплане на месте второго пилота присутствовал ребёнок.

— Да, — подтвердила лётчица. — Я катала дочку.

— В близости от важных объектов, где работают люди? Между высоких кирпичных труб? Используя своё служебное положение? — удивилась судья.

— Это не так опасно, Ваша честь, как вы представляете. Валерий Чкалов, поспорив однажды с друзьями, пролетел даже под Троицким мостом в жилом массиве города Ленинграда, и ничего не случилось.

— Но разве вы получили на это письменный приказ? Я что-то его не вижу.

Чёрная, как ворона, в заштопанной мантии, пожилая судья устало, но твёрдо поглядела на Эльвиру.

— Нет, — ответила смущённая лётчица. — Приказа я не получила. Чтобы слетать ко мне на родину на лайнере — в Харьков...

Это нам с дочкой не по карману, а девочке в жизни нужно повсюду побывать. Она, как и я, очень любит бескрайнее небо и хочет учиться на пилота в той же самой лётной школе, в которой училась я.

Ответчица заикалась. Блестели слёзы.

В начале века, в новорусские, подлые, проклятые времена законную зарплату не выдавали годами. К тому же у пилотов аэроклуба она была мала. Лётное дело стало не важным, «Стрижу» помогали, да немного. И всё-таки случилось, что спортсмены тушили в жару горевшие лесные посадки и степи, распыляли в полях отраву против саранчи, в майские праздники устраивали шоу, петляя в небе, бросая при этом в город поздравительные открытки.

Судья не сдержала эмоций:

— Странные капризы у вашей дочки.

— Вы меня неправильно поняли, Ваша честь.

— А кто у неё отец?

— Олесь Ротенко. Он рано погиб во время испытаний нового самолёта. Я тогда ещё училась в секции планеризма.

— И после гибели мужа вы, молодая особа, продолжаете безумно носиться ночами на допотопной машине вместе с ребёнком? Рискуя при этом жизнями?

— Только единожды, Ваша честь. Бипланы — это самые надёжные в мире самолёты. Для

пущей поддержки в небе они имеют спаренные крылья.

В прениях соперники доложили, что около их управы старый, ослабший летательный аппарат остановился на полминуты в небе и помчался по ветру обратно к мартену задом наперёд. Это движение попало в зону просмотра видеокамер. Очевидцы подумали, что лётчица оплошала.

— Вы были неуправляемы? — спросила судья Эльвиру.

— Неправда, — ответила женщина. — Мы были умелы. Я дважды была чемпионкой Украины по самолётному спорту.

— Мамка тушила на горевшей крыше пожар, а я держала в руках штурвал, — важно добавила Машенька, перебивая ход процесса. Она спешила выглядеть взрослой.

Судья обомлела. Потерпевшие заорали:

— Это уголовное преступление. Вы, пожалуйста, занесите признание девочки в протокол, иначе мы его не подпишем.

Директорские юристы дорожили карьерой на комбинате, они хотели победы в суде любой ценой.

— Не ваше слово, — недобро ответила озабоченная судья.

В перерыве, когда арбитры удалились на совещание, мамка обняла доченьку и шепнула, глотая горечь:

— Павлуша ты, Павлуша... Ты погляди на этих упитанных

приматов, живущих в тепле под шкурами своих администраций, не знающих ни ветра, ни слякоти, ни зноя, ни радости полётов. Они желают нашей разлуки. Запомни их лица...

Ржали, травили байки, ковырялись в зубах юристы чёрной металлургии.

— А кто такая Павлуша? — спросила Маша.

— Он, как и ты сегодня, заступился за брата Федю. Это маленькие мальчишки. Их обвинили и зарубили взрослые дядьки, хотевшие крови.

— Нас тоже убьют?

— Тебя отправят на перевоспитание в детский дом, а меня побреют налысо и посадят на много лет. Я стану зэчкой.

На оглашение приговора приехал директор чёрной металлургии. Он увидел заплаканных ответчиц и спросил:

— А вы почему такие немые?

— Молчание — золото, — отрезала Эльвира.

— Откуда у вас столько много золота? — расхохотался учёный.

Судьи вернулись. Как один монолит поднялись испуганные мама и дочка. Лениво, развязно, долго вставали самоуверенные директорские подлизы.

— Садитесь, — приказала судья пилотам. — А вы, — повелела она дирекции, — стойте.

Бегло и машинально старушка перечитала напыщенные претензии к оболганным людям и огласила решение государства.

— В деле Эльвиры Макаровой Ротоенко нет криминала. Её накажут в служебном порядке в аэроклубе «Стрижи» за самовольный полёт. Напротив, сталевары мартеновского цеха той ночью нарушили технологии заправки в печь металлического скрапа и виноваты в пожаре, возникшем после выброса шлака. Пролетавшая в небе над комбинатом лётчица Ротоенко увидела горевшую крышу и умело потушила на ней огонь. Она без всякой корысти пришла на помощь пострадавшему цеху. Разбирая это важное дело, нами были дополнительно опрошены специалисты по надзору за состоянием зданий в период эксплуатации. От них мы узнали, что руководство чёрной металлургии не уделяет внимания профилактическим ремонтам. На промышленных трубах, между которыми летала Эльвира Ротоенко, уже в течение многих лет не горят ночные светильники, необходимые для ориентации пилотов, и сами трубы не окрашены сигнальными красками. Об этом было неоднократно предписано надзором. Мы в свою очередь тоже приняли меры и обязуем дирекцию комбината исправить просчёты...

Как юридическое лицо учёный руководитель был оштрафован и обесславлен. Но ненадолго. На следующий день он написал приказ о создании подучастка ремонта промышленных

дымовых труб при участке «Огнеупорные работы» в цехе ремонта металлургических печей, где я трудился много лет. Старых юристов в управе поменяли на молодых, ещё неизвестных, трудолюбивых, не обнаглевших. Эльвиру на целый год лишили права вождения самолётов.

— И пусть, — бурчала она, вернувшись после суда в аэроклуб. — Я всё равно останусь в небе парашютисткой.

— И я, — повторяла дочка.

ПТИЦЫ, ПРОЩАЯСЬ, ЛЕТЕЛИ МИМО

Рассказ первый. Маменькин сыночек

— Маманя, кто мой отец?

— Ты давно не спрашивал, я молчала.

— У всех ребят и у всех девчонок в мире есть отцы. Сегодня наша классная говорила о мужестве, о Родине, о воинском долге. Что мы наследники Великой Победы.

Это было оживлённое занятие, посвящённое Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота. Девчонки дарили мальчишкам праздничные открытки.

— Маринка, моя бывшая соседка по парте, рассказала, что её папаша в отставке. Он майор сухопутных войск. Имеет две медали.

Шалопай — их в классе было больше — галдели наперебой.

— Я защищаю родное небо, — кривлялся Мишаня Клыкков.

Исподтишка он запустил бумажного голубя к меловой доске. Вика его подбила и отправила в мусорную корзину.

— Я, — сказала она, — зенитчица.

— А у меня братан играет за ЦСКА, — похвастался Пеньковский.

— ЦСКА — это самая сильная команда в России. Серёжа, он хоккеист? — спросила учительница.

— Он в дубле.

Отличаясь от шалопаев, послушные дети терпеливо тянули руки.

— Что скажешь, Лена? Ты умница.

— Моя мамочка — главный врач, — важно отчеканила Смирнова. — Мамочка состоит на учёте в военкомате. Дома она хранит орден, выданный ей за победу в Афганистане. В больнице под белым халатом моя мамочка носит настоящий офицерский костюм.

— Это, конечно, важный военный госпиталь?

— Да, — заверила Лена.

Валерка молчал.

— Руденко, а твой отец? Он был солдатом?

— Мы с мамкой живём вдвоём.

— Его отец — украинский полицейский, — брякнул Пеньковский. — Он обезврежен и сидит за решёткой, глотая слёзы.

— Ты врёшь, — вскочил Валера, готовый к драке.

Не ведая правды, мальчишка был бессилён против сварливости баламута. Марина шарахнулась от Валерки, как от бубонной чумы, и пересела в другое место. Другие дети дружно расхохотались.

— Сын за отца не в ответе, — строго сказала учительница, пресекая посмешище. — Валера, уймись, а ты, Марина, вернись обратно.

— Я не хочу, — отрезала девочка. — Мне стыдно сидеть рядом с сыном полицейского оккупанта. Я офицерская дочка. Он маменькин сыночек.

Дома оскорблённый мальчишка признался, как стал изгоем в коллективе.

— Где мой отец? Ты же знаешь об этом, мама. Почему он меня не любит, не заступает перед более сильными? Он предатель?

Женщина утешила сына:

— Не плачь, Валерик, твой папка сегодня служит в ракетных войсках. Он честный советский командир.

Это было неправдой, однако назавтра в одёжном шкафу появился отутюженный парадный мундир с погонами сержанта. На бортах сияли отличия, среди которых находился неуместный значок «Старший погранотряда СССР». К чему он ракетчику? Но у ребёнка полегчало на серд-

це. Утром он ответил Пеньковскому:

— Мой папка не предатель.

— А кто же твой папка?

— Он советский командир.

Ты должен извиниться.

Встретив агрессию, Сережка захлюздил:

— Что же ты сразу про это мне ничего не рассказал?

— А кто ты такой, чтобы я тебе об этом докладывал? Ты хочешь в морду?

— Ну, если так, то я беру свои слова обратно. Прости, Руденко.

После этого разговора Марина вернулась на своё старое место в классе для продолжения детской дружбы с Валерой.

— Мне с тобою уже не стыдно, — сказала она. — Ты не предатель, ты смелый и честный патриот.

Весною умер ветеран Великой Отечественной войны Василий Петрович Неугомонный. Проститься с покойным явилось много людей. Во время похорон, перебирая награды старого воина, вдова отделила от них юбилейную медаль, выпущенную к тридцатилетию Победы, и протянула маленькому соседу: «Возьми её, Валерик, на память о дедушке Васе. Он был хорошим артиллеристом. Наш дедушка умер от старых ран».

Дома малой прицепил дарение на отцовский мундир и окончательно забыл об унижении смехом. В то время он учился в начальной школе.

Рассказ второй. Циркач

Прошло восемь с половиной лет.

— Валера, что тебе подарить в день рождения? — спросила мама. — Ты скоро получишь паспорт. Может быть, закажем костюм?

Сын вышел богатырём. Мускулистый. Ни грамма жира. Косая сажень в плечах. Размеры его одежды в продаже не имелось.

— Не надо, мамочка... Не траться.

Уже обесценились и почти исчезли из оборота советские рубли, опустели прилавки, зарплату выдавали продуктами да вещами. Грянули гайдаровские реформы. Жить стало нехорошо.

— Как же мне тебе угодить? — расстроилась женщина.

В одиночку растившая сына, всегда утомлённая Вера Ивановна Руденко работала ведущим специалистом на механическом заводе по производству сельскохозяйственных машин. Толстые учётные книги, расчёты, бумажные договоры. После работы — кухня да магазины.

— Подари мне гири. Те самые разборные двухпудовки, которые я тебе показал однажды в спортивном отделе. Вот закончу среднюю школу и вместе с ними поеду учиться в цирковое училище на гимнаста.

— Когда же ты станешь взрослым? — вздохнула мама.

Гири из магазина принесли выпивохи. Чертыхаясь, они поднимались с ними на третий этаж обшарпанной хрущёбы. Таких печальных домов немало даже в парадных городах. В них доживают ничтожные люди — безропотные трудяги да мелкие инженеры, не стяжавшие успеха при смене экономик. Одна из гирек коснулась вздутой стены. После удара старая отслоившаяся штукатурка посыпалась на свежесмытые ступеньки лестничного марша, обнажая полувековые ветхие кирпичи, пережжённые более чем полвека назад в плодovitых печах социализма.

— Вот и насорили, — буркнул разиня.

— Я уберу, подштукатурю, подкрашу, меня простят. Вы, пожалуйста, не волнуйтесь.

Хозяйка виновато семенила впереди невесёлых ломовых, показывая дорогу. В квартире она попросила поставить гири в кладовку. В дальний угол.

— К чему, мамаша?

Вера Ивановна ответила:

— Гири — это сюрприз, — и покраснела по-детски. — У сына праздник. Послезавтра ему исполнится шестнадцать лет.

— Будет большая пьянка? — сострил баламут.

— Нет, пьянки не будет никакой. Он у меня не пьёт.

— Женить его надо... В его-то годы я был непослушным: и бухал, и курил, и даже зрелые девки меня любили по-всякому — и так

вот, и эдак. Слабак ещё твой сыночек.

— Под кепкой — метр девяносто два. Ты мелок. Тебя заборет, — отрезала женщина.

Валерка не слышал этого разговора. Он бы тоже ответил.

— Не дело это, чтобы будущий жиган держался за мамашку в шестнадцать лет, — не унимался трепач. — Гони-ка, тётка, монеты за доставку, как мы договорились.

После ухода рабочих Вера Ивановна прикрыла гири ветошью, и в день рождения её могучий дитёнок ликовал, воображая себя артистом на манеже. Сынуля разбирал и собирал новые чугунные игрушки. Пудовками он жонглировал, почти не задыхаясь; двухпудовки толкал под потолок, слегка поджимая ноги в коленках. Освоил яростные рывки.

Назавтра одна из гирек упала на пол. На втором этаже от удара посыпалась извёстка, подвесная люстра сбросила бусины. Тут же пришла соседка.

— Валера, — мирно попросила она, — помоги мне, пожалуйста, подвесить на место уцелевшие стекляшки.

Это была пожилая интеллигентная женщина. Никто никогда не слышал от неё скандальных или грубых слов.

— Я вас понял, Анна Петровна, я помогу.

Мальчишка наладил люстру. В награду Анна Петровна вручила Валерке две старые сумки из

плотной кожи, и с того момента самодеятельный атлет занимался с гириями на заброшенных спортивных площадках. Над ним смеялись шишкарри. Впрочем, как истинный силач, парнишка давно не чувствовал злорадства, исходящего от курящей шпаны, живущей по уличным законам. И более... Однажды на автобусной остановке он отошёл от поклажи, чтобы купить в киоске бутылку минералки. Во время тренировок хотелось пить. К одиноко стоявшим сумкам, где были прикрыты гири, подошёл дежурный постовой и громко задал вопрос, имитируя добросовестную службу:

— Чьё хозяйство?

— Моё, — ответно крикнул Валерка, стоявший около прилавка.

— А если утащат?

— А вы попробуйте, товарищ сержант.

Инспектор было нагнулся, желая приподнять одну из сумок, да вышел конфуз. Почувствовав ношу, милиционер отступился и с уважением поглядел на мальчишку.

— Ты сам-то это поднимешь?

— Запросто, товарищ начальник... Я же будущий циркач.

— Ох, и прижучил ты солдафона, — застрекотали окрест. — Он арлекин, а ты герой.

Люди судачили, смеялись, кланялись силачу, хватаясь то за его неподъёмности, то за него самого, как за святого.

По телику ежедневно обличали коммунистов, ругали историю их управления страной и восхваляли царя, понапрасну убитого в восемнадцатом году. Приучали новое поколение набивать мощную любую ценой. «Умри ты сегодня, а я завтра» стало новой возвышенной программой для обучения молодёжи капитализму. Но что-то неизжитое, вчерашнее, доброе ещё теплилось по весям инертно от лучших советских лет. Школьники бескорыстно помогали дошкольникам улыбаться.

Ленка Смирнова два раза в неделю ходила в подшефный детский садик, где живую пела для малышей мульташные песенки, подыгрывая себе на пианино. Этот музыкальный инструмент хотели было сдать в металлолом какие-то важные продуктивные старикашки во время переезда из захолустья в элитный район к преуспевающему сынуле, да в последний момент пианино подарили малышне. Акт их доброй воли имел успех. Пришёл настройщик, отладил струны. Ленка взяла аккорды, подняла голос. Потом появились корреспонденты и сняли небольшое кино о великой щедрости новых русских предпринимателей. Совсем как новенькое, старое пианино чернело в большой брезентовой палатке, открытой настежь, напротив окна дежурного охранника. Без дела оно закрывалось на подвесные замки,

скобы для них были ввинчены в крышки инструмента. На ночь палатка подвязывалась от лишних и хищных глаз. Впрочем, украсть пианино проблематично даже без взлома.

Валерка приударил за Ленкой. Они гуляли и трепались обо всём, что им казалось интересным. Ей очень нравились стихи Анны Ахматовой, а ему, мало читавшему книжек, песни о цирке.

— Ты мне сыграй такую песню на пианино, — попросил Валерка, — я станцую, скажем, оригинально.

Он появился в детском садике на бетонном заборе и продолжительно кривлялся под музыку, гуляя по верхотуре безо всякой страховки, жонглируя тяжёлыми гириями. Это был опасный, рискованный номер. Валерка держал равновесие, как настоящий гимнаст. Вся ребятня рванула к месту концерта. Их воспиталка помчалась за ними туда же, где неразумные мальцы пытались дотянуться до силача, хлопали ему в ладошки, подпрыгивали. Женщина от страха кричала, плакала, вытаскивая своих подопечных из жуткой зоны неожиданного концерта. С окрестных деревьев падали яркие осенние листья, дул ветерок — стояли последние солнечные деньки. Валерке приказали закончить своё выступление и спуститься на землю.

— Ты откуда взялся? — спросила заведующая детским садиком. — Ты понимаешь, какая возникла ситуация? Твои гири могут упасть на головы ребятшек.

— Это мой одноклассник Валера Руденко, — вступилась Ленка. — Он опытный бродячий артист.

— Хорошо, — согласилась заведующая, — пускай он артист, пускай он опытный и бродячий, я на это не возражаю, но прежде, чем выступать с тяжёлыми гириями, стоя на заборе детского сада, отведите, пожалуйста, малышей на безопасное расстояние. Организуйте, устройте барьеры, поставьте скамейки, как в шапито, рассадите детишек...

Потом был снег, за ним — весна и новое лето.

Рассказ третий. Кроссовый мотоцикл

Все нерентабельные структуры были уничтожены на корню. Заводы распродавались. В отделе комплектации, где трудилась Вера Ивановна Руденко, ожидали невесёлых оптимизаций.

— Отныне наша экономика стала бесплановой. Новое руководство готовит сокращение штатов, — объявил главный экономист.

Один из завсегдаев директоровских совещаний, он прошептал при встрече:

— Вера Ивановна, быстренько собирайте компромат на Петровну и Веселовского. Это слабое звено вашего отдела.

— Как это? — удивилась Руденко.

— Петровна никогда не ездит в командировки, ваш начальник за это её не любит. Надо ему поддакнуть.

— А Веселовский?

— Он вчерашний коммуняка. В нынешней работе Веселовский маломобилен, поскольку ранее заседал в парткоме завода. Тогда его боялись, но отныне этот товарищ — никто. Парткомов на свете больше нет. Отыщите его ошибки в новой работе и доложите директору. Кроме этого, вам полезно знать...

— Что? — испугалась Вера Ивановна.

— Эти люди не дремлют. Если вы не решитесь на доносы, они утопят вас.

Так и случилось. Руденко была уволена из отдела. Ей предложили работу в пансионате, где проживали и кормились учащиеся профессионального училища — будущие станочники. Раз в неделю Вера Ивановна выдавала им свежее постельное бельё, в другие дни следила за чистотой и порядком в помещениях, даже разбирала жалобы подопечных друг на друга, — многие обитатели общежития были капризны и драчливы. Но вот появились новые слухи о том, что училище тоже доживает последние деньки.

— Может быть, это разговоры? — обнадёжил Валерка.

— Такое творится по всей стране.

— А вдруг всё-таки станет лучше?

— Не станет, — ответила матушка. — Денег у нас в заглашнике почти не осталось. Если завтра меня уволят, то мы пропали.

Валера открыл шифоньер, увидел китель отца. Уже не восхищаясь отличными значками, он отцепил юбилейную ветеранскую медаль, подаренную когда-то вдовою артиллериста, потёр её фетром для лучшего блеска и, как дорогой талисман, положил к себе поближе — в ящик стола. В заслуги отца парень уже не верил. Ни писем, ни денег, ни фотографий от папашки не было никогда. Ничейный парадный китель остался висеть без движения во тьме одежного шкафа — забытый и жалкий. Детство закончилось. Назавтра Валера оставил учёбу в школе и подался на производство, в цех по ремонту металлургических печей.

Начальник отдела кадров был ошарашен его приходом.

— Иди отсюда в бурсу, учись, малявка. Не возьму я тебя работать — и всё.

— Тогда зачем вы объявили вакансию в газете «Металлург»?

— Вовсе не для тебя. В этом цехе взрослые мужики надрываются и падают от бессилия, а ты ещё пацан.

— Я здоровяк, — обнадёжил Валера.

— Это с виду ты здоровяк. По двадцать, по сорок тонн магнезита в иные дни приходится в руки на человека. Есть камни по тридцать килограммов каждый.

— Я и сто поднимаю, не напрягаясь.

— Не ври, никто тебе не поверит.

— А я докажу.

— Послушай, школяр, в цехе, куда ты хочешь, без ругани не общаются.

— Я объясняюсь на том же языке.

— Повсюду бывшие заключённые или иной какой сброд, на воле больше нигде не годный. И никакого карьерного роста.

— Мне не надо карьерного роста.

— Под ногами — горячие, вишнёвые после плавок кирпичи да шлам. За трое суток ремонта они не успевают остынуть. Чайник с водою, поставленный на эти камни, закипает через минуту. Куда ты прёшься? Подумай и отступись.

— У меня мамка больная. Она сегодня лежит в больнице, не поднимаясь уже неделю, а денег больше нет ни копейки. Нас только двое в семье осталось: она и я.

— Ну, как знаешь, мальчишка, я тебя насильно в пекло не толкаю. Хочешь быть чёртом — так будешь чёртом. Когда тебе исполнится восемнадцать лет?

— Уже вот-вот.

— Через год, — уточнил кадровик. — Я тоже вижу твои бумаги. Работать будешь только в первую смену на подхвате у мастеров.

Царство металлургии — неорганический мир. Повсюду огонь: окалина, сажа, тяжёлый шлам, не улетевший в небо, — нет никакой органики. Разве что черенок от лопаты да сам работяга, его одёжка. Чёрный, в суконном костюме, он выходит рано утром из раздевалки, где остаётся домашняя одежда. Вечером она пахнет плесенью старых фанерных ящичков. Во время дождя или снега в раздевалке сочатся рыхлые плиты перекрытий, звенит капель, поэтому сыро. На холодном полу повсюду тазики, вёдра, старые тряпки, пропитанные водой. Случается, рвутся трубы. Тогда парят огромные лужи, и в душевой надолго перекрывают горячую воду. Чумазные люди моются ледяной. В правой руке у чёрного человека ведро для песка, в нём тяжёлый молоток и кельма, она же называется мастерок. Более «ударные» инструменты получают в инструменталке, откуда навьюченные ими люди двигаются по пешеходной дорожке в сторону горячего цеха, где трудятся весь день. Шаркая ботинками по асфальту, они прохлаждаются, тянут время — не торопятся в пекло, обусловленное трудовым договором. Мартеновский

цех велик — девятьсот девяносто метров. Но ещё немало других производств, где нужны руки огнеупорщика. Порою приходится нести по всему комбинату ломы, отбойники, шланги, верёвки, доски, но это самая лёгкая часть работы. Время от времени пламя лизало суконные брюки, суконная куртка от огня стала пятнистой и местами рыжеватой, словно шкура леопарда. Скособочились, обгорели ботинки из толстой кожи. Рубашка хранила свежесть вчерашней стирки всего полдня, а то и меньше, затем она пропитывалась потом и обрастала стойкой коричневой грязью отходов металлургического процесса. Её материя была ещё подвижной и мягкой, пока Валерка нагибался и разгибался, поднимая и кидая кирпичи на транспортёрную ленту, или парился в горячих боровах, в руках попеременно то лопата, то лом, то кирка. Но стоило отдышаться, остынуть, рубашка каменела и рвалась, как будто не было ни стирки, ни починки.

Безропотный, безродный Руденко в отсутствие ремонтов помогал на подхватах в переезде на новую квартиру полковнику-военному, у главного сталевара на дачах выкладывал тротуарную плитку, в подшефной оранжерее собирал первые поспевшие огурцы и помидоры. Была ли она на самом деле подшефной? Случалось копать могилы отдавшим когда-то силы на производстве

старикам и старухам. В такие дни Валерку угощали. В оранжерее — овощами. После возни на кладбище — поминальными обедами. Главный сталеплавильщик кормил по-царски. Его супруга привозила в вёдрах на подворье для подневольных работяг густо наваристый борщ и жаркое да виновато глядела на приниженных людишек, никогда не смевших перечить мужу. Те жадно заглатывали пищу, стесняясь поднять на повариху глаза, обжигая при этом и рот, и глотку, икая от нетерпения, сморкаясь и кашляя. «Мужика необходимо уважать», — утверждал её муж, и это было лучшее в барстве, восставшем, как феникс из пепла, после долгого и неудачного строительства коммунизма. Однако денежки нувориши поприжимали. Вместо зарплаты под роспись выдали на руки продукты по навороченным ценам.

Однажды новый директор комбината обнаружил в своём хозяйстве затоваренный склад. В поиске рынка сбыта прежний металлургический воротила удачно обменялся прокатом на разного рода технику. В схроне были легковые автомобили, мотоциклы, велосипеды и многая мелкая бытовуха, необходимая в жилищах: телевизоры, холодильники, диваны, стиральные и швейные машины. Это добро иногда выдавали в качестве лотерейных призов во время проведения футбольных матчей

или дарили юбилярам, да не простым, а именитым. Будучи благородным, новый директор приказал все эти товары распродать по бросовым ценам. Раскулаченное хозяйство отправили в магазины.

Руденко занимался погрузкой заныканного товара. Недавно он с подачи военкома окончил скорые курсы армейских шофёров, и, когда увидел новёхонький кроссовый мотоцикл, глаза загорелись.

— Может быть, это самая последняя машина завода имени Дегтярёва, — улыбнулся товаровед и влез умело под шкуру нестойкому пацану. — Капут, Валерка, нашему совковому автотрому.

Люди уже давились в очередях за дешевизной.

— Ты, дружок, не мешкай, а возьми-ка его себе.

— Мотоцикл? — удивился Руденко. — А как?

— В счёт задержанной зарплаты. Я тебе помогу. Ты хороший парнишка.

— Я бы купил, да мамка не разрешит: она хозяйка.

Несмотря на свою огромную силу, Валерка слушался мамку, пытался её беречь, винился после всякой своей неаккуратности, неуклюжести, да не от страха. Неведом страх богатырям. Сильные люди пекутся о добре.

— Ты сначала купи, — смутил его завхоз, — а потом уладишь и

с мамкой, и с оставшимися деньгами. Такой удачи завтра уже не будет, решайся.

Он уехал на мотоцикле и спрятал его в подвале, открытом для любого бродяги, и те, пожалуй, в холодные ночи выжидали около горячих отопительных труб: тут же ели, мочились и спали. Осень уже плескалась слякотными дождями — ни гаража, ни мастерской... Парень хотел покаяться мамке в том, что поддался на искушение завхоза. Попросить у неё совета назавтра, где лучше хранить свой новенький байк. Да мамка была печальна.

— Что случилось, мамуля?

У молодого банкира Владимира Ильича Мазухина была любимая поговорка: «Кто на что учился, на то и пригодился». Он её повторял день изо дня разным убогим людям: курьерам банка, уборщикам, даже охранникам. Ухоженный хлыщ Мазухин носил в кармане английских брюк китайские музыкальные шары. Время от времени он доставал их на свет и, улыбаясь, перекатывал в ладонях. Тренировался для лучшего счёта денег. Иногда по-простецки в курилке его величали «Ильич». В такие минуты Мазухин тактично напоминал: «Не называйте меня, как Ленина. Я просто Вовчик». И умильно пояснял, что Ленин был немецким шпионом: «Он жил на фрицевские рубли, а я

образцово воспитанный честный русский банкир. Я сам себе повсюду инвестор». Собеседники умилялись.

Когда Мазухин поднялся до Вована, появилась публикация о том, что он прикарманил девять миллиардов рублей и более миллиона долларов, которые перенаправил на личный счёт в коммерческий банк островного государства Сент-Люсия. В Европе Вован попался в лапы Интерпола. Его счета заморозили, и вскоре все украденные деньги вернулись в Россию. На суде Вована оскорбительно называли по имени и отчеству — Владимир Ильич. Но прежде тысячи вкладчиков построились около банка, требуя вернуть свои накопления.

Целый день Вера Ивановна Руденко простояла на крыльце сберкассы. Там хранились её последние копейки. Да не на старость, а на чёрный день жизни, который уже настал. Больные ноги отекли, чулки промокли. Дома женщина плакала. «Деньги пропали», — сказала она Валере.

В покупке байка сын не признался. Вечерами, когда темнело, он осторожно выкатывал свой мотоцикл из подвала и тайно катался на заброшенном стадионе, боясь огласки. Ему было стыдно перед мамкой за растраниженную зарплату. И вот приказали явиться в военкомат.

Рассказ четвёртый. Извозчик

Переодели, переобули, переобучили. Руденко присягнул на верность Отчизне и добрался к месту прохождения службы. Гарнизон располагался на территории заброшенной геологической базы. Многочисленные склады, где раньше хранились колонковые пробы грунта, утеплили, прорубили в них окна и перестроили в казармы.

— Это ты водитель? — спросил комбат.

— Так точно, товарищ майор.

— Машины для тебя ещё нет, но скоро будет. Чтобы помыться, напиться и сварить харчи, мне, Валера, нужна вода. Вот когда появится своя водовозка, то ты, Руденко, сядешь за руль и будешь ежедневно мотаться к нам в тыл на дню по несколько раз, а пока работай в хозбанде.

Основные солдаты батальона посменно досматривали автотранспорт на участке дороги, ведущей из Ростова в Баку. Искали оружие, взрывчатку. Изучали накладные бумаги у перевозчиков нефти. Брали на лапу за недосмотры...

Несмотря на мирное соглашение в Хасавюрте, вылазки лихоев не прекращались. Время от времени в управе говорили о неприятельских рейдах по Дагестану, о перестрелках. Были погибшие. Эту важную информацию

доводили под роспись всякому командиру. Недавно около трассы обнаружили отрезанные головы четырёх похищенных иностранцев.

Пришла зима... Небольшой водоём, откуда понемногу летом черпали воду для кухни, без проточки закис. Озеро обросло осокой и стало мелким, как лужа. В гарнизоне возникли кухонные проблемы. Сухой паёк вместо горячей пищи выдавали всё чаще и чаще.

Чистый источник находился в горной ложбине около деревни, в которой проживали вайнахи. Соваться к чужой воде без спроса было опасно. Выручил слухачай. Однажды в расположении батальона появились бородатые старики.

— Мир тебе, комбат, — сказал по виду главный.

— И вам того же, отцы... Вы что-то хотите?

— В деревне очень много больных, товарищ майор. Мы просим у вас уколы и бинты. Я фельдшер. В нашей санчасти не осталось специалистов. Нужна подмога.

Продолжительная война порушила старые хозяйственные связи страны. Медицина пришла в упадок.

— Вот список необходимого нам лекарства, — подал деревенский врач.

— Я помогу, — обнадёжил майор, — но мне до боли нужна чистая вода из вашего ручья.

— Приезжайте. Только без оружия. Не пугайте народ. Берите воду.

На этом договорились.

Вот уже более месяца по грунтовой дорожке до обеда и после из расположения части к ручью моталась гужевая повозка. Её тащил ишачок по кличке Яша. В телеге гремели бидоны. Рядовой солдат Равиль Ахметшин — погонщик осла — и старший лейтенант медицинской службы Алим Мухамедзянов, оба тюркского вида хлопцы и мусульмане, шли по обочине, не утруждая животное. Тележка катилась к заветной ложбине. Ручей был мелок. Он начинался где-то в горах и, спускаясь к людям, иногда исчезал под камнями, обильно разбросанными по склонам. В таких местах вода отдалённо журчала. Случайные прохожие насторожённо улыбались. Порой они наклонялись до камней в надежде лучше послушать музыку подземелья. Кто-то угадывал ноты, иные — напевные суры и аяты Корана. Опалённые горем люди искали в горах душевный покой. Они мечтали о лучшей доле, желали мира.

В месте сбора воды низвергался худенький водопад. За долгие годы он выбил под собою глубокий приямок. Вода в нём не замерзала даже тогда, когда на камнях висели сосульки. Тропинка в ущелье была крутая, для повозки непроходимая, местами

скользкая. Там, на днище оврага, в тени природы подолгу не таял снег. Поэтому ослик всегда оставался у бровки — наверху. Таскать воду по склону было непросто. Солдатик брал вёдра и отправлялся за нею вниз. Бидоны в повозке наполнялись почти полдня. Во время подъёма вода из вёдер расплёскивалась. Брюки у водоноса намокали и леденели. Лейтенант, напарник солдата, был ему не в помощь — белая офицерская кость. Он привозил к ручью лекарства для обмена. В первое время за ними приезжал фельдшер-бородач. Звали его Булат. Потом появился моторист, попутно ставший курьером.

— Он русский, — представил старик нового человека. — Любит немного выпить.

Чертоватый по виду мужичонка ловко настроил старый насос. Его механика находилась в закрытом железном ящике чуть поодаль от ручья.

— Когда у меня появится лишний спирт, то я его не обижу, — обнадёжил старший лейтенант. — Но только одну бутылку на раз. Сегодня спирта не будет.

— Ты слышал, Петька? — спросил Булат у работяги. — Не напивайся до икоты, а ты, командир, его не балуй. Свой спирт разбавь наполовину, чтобы его хватило на две попойки. Петруха у нас в деревне один, он нарасхват, нужен в каждом доме немного трезвый. Полгода

назад залётные абреки хотели его убить, но я не дал Петруху в обиду.

С тех пор вода поднималась по рукавам. В такие дни Равиль отдыхал. И всё же весною он простыл и ослаб.

— Давай-ка, Руденко, смени Ахметшина, — приказал комбат.

Уже почти полгода Валерка крутился на воинской службе при медпункте, скучая по дому, не наедаясь. «Вчера мы подняли в квартиру твой мотоцикл, — писала мама. — Он находился в дальнем углу подвала, закиданный старой стеклянной ватой. Про него мне рассказали чужие люди, соседи. Что же ты, Валера, молчал? Стеснялся? А зря. Я бы тебя не ругала. Вчера мне, наконец, дали вторую группу инвалидности с ногами по диабету. Высылаю тебе в конверте маленький серебряный крестик. Ты надень его, сыночек, на шею и никогда его не снимай. Не ради Бога, в которого ты не веришь, а ради меня, больной. Трудно было мотаться по врачам за всякими справками. Повсюду просили искать работу, а я уже полгода почти не поднимаюсь с кровати. Ноги мои чернеют». Деньги, прижатые банком, она вернула да всё молилась на белой бумаге за сына, чтобы не возобновилась вчерашняя жестокая война на Северном Кавказе, чтобы перемирие не кончалось.

Валерка эти печали не разделял. «Я вроде ветеринара, мама,

и на конюшне, и при медпункте. Нет у нас сегодня, маманя, никакой войны, мы дружелюбны с местными стариками. Это даже не рэкетеры, они простые крестьяне, вчерашние совки. Все безобидные и честные люди. Крестик я, мама, надену, но только ради тебя. Ты, моя добрая, не волнуйся. Стреляют в людей не здесь, а где-то там. Особый привет моим соседям по дому за то, что сообщили про мотоцикл».

Но более парень дорожил письмом, полученным от Ленки Смирновой. «Помнишь, Валерик, как мы с тобою вместе развлекали малышей в нашем подшефном детском саду? Ты был тогда силачом, а я певицей. Когда ты вернёшься домой, мы будем вместе». Написанное живыми чернилами Ленкино письмо в его кармане стало пятнистым от солдатского пота. На солнце оно казалось весёлым и вечным, как сказочная любовь. Ленка по-прежнему жила стихами да песнями. Девушка обучалась в музыкальном училище, имела постоянную сцену, а недавно получила награду на фестивале за лучшее исполнение детских песен. Валерка строчил Смирновой частые письма. От неё же было только одно.

Живая зелень сверлила округу. словно в калейдоскопе, прострелили белые, жёлтые, красные и даже чёрные тюльпаны. Ишак повеселел: уши держал он поднятными кверху, крутил хвостом

и дружелюбно оскаливал жёлтые зубы навстречу солнцу. Валерка иногда выпрашивал у дежурных по кухне старый зачерствелый хлеб, дробил его в сухари и угощал ими животное. Хрустели на пару, как братья. Даже будучи гружёным, ишак пытался игриво передвигаться, словно лошадь на ипподроме. И казалось, что война себя исчерпала навеки. Границу охраняли богатыри Валера и Яша.

В один из таких весенних дней моторист не появился. Его водокачка была закрыта. Чтобы передать медикаменты (их было много), старший лейтенант Мухамедзянов отправился в деревню пешком.

— Ты оставайся, — приказал он Валерке, — а я слетаю в больничку. Потом заверну в деревенский лабаз и возьму конфет. Когда объявится пьяница, отдай ему пойло. А если он не объявится, то бери в руки вёдра и наполняй все бидоны самостоятельно, так, как это делал Равиль Ахметшин.

— Запросто, — ответил Руденко.

— Старайся... Если промокнешь, то я найду для тебя самый надёжный в мире аспирин.

— Не надо, — отказался Валера. — Это по благу.

Сапёрной лопатой Руденко вырыл на склоне лощины маленькие ступеньки и мотался по ним, словно челнок, но не с вёдрами, а с бидонами, имеющими

ми надёжные крышки. Подъёмов стало немного. Солдат ни разу не намочился, не надорвался. После чёрной металлургии работа в горах оказалась нетрудной, даже спортивной. Когда воротился врач, он ему сказал:

— Петруха нам больше не нужен.

С той самой поры они приезжали за водой вдвоём и справлялись без моториста. Алим мотался в деревенскую больничку к пациентам, а Руденко по склону оврага — вверх и вниз...

Рассказ пятый. Чёрная кавалькада

Вдыхая майскую свежесть, нараспашку, на шее крестик, Валерка поднимался из лощины с бидонами, полными воды. Бойко стучало сердце. Источая душистые запахи разнотравья, горы стали волшебными. Беспокойные бабочки, пчёлки, жучки летали, порхали, жужжали и трудились, опыляя молодые цветы.

Глядя под ноги, он не сразу заметил многих вооружённых людей. Их верховые лошади мирно жевали свежую траву. Сами всадники спешили и окружили водоноса. Алим валялся в ногах у главаря. Руки у старшего лейтенанта были опутаны, ухо висело, как баклажан, во рту клубилась кровавая пена. Тут же понуро трусился старый деревенский фельдшер Булат.

— Беги, Руденко, через овраг, оттуда за камни, кричи, зови на помощь, — еле слышно сказал Алим. Что он мог приказать безоружному человеку?

Солдата догнали, пленили, избили. Ему заклеили липкой лентой рот и поставили на колени. Суровый абрек приподнял Валеркину голову и заглянул ему в душу.

— Ты слышишь, мусор? Я более года вас повсюду ищу и собираю для расправ.

Заступился Мухамедзянов.

— Руденко столько не прослужил. Он вовсе не мусор. Он водитель.

— Молчи, — отозвался главарь. — Я, лейтенант, отрежу твою башку только за то одно, что ты, порчак, поднял оружие против ислама.

— Я не имею никакого оружия, кроме скальпеля и пинцета. Я прежде всего на свете врач и хирург. В твоей деревне я лечил детей и старух.

— Это не оправдание.

— Это соглашение двух сторон.

Мухамедзянов поднял глаза на Булата.

— Мы с Булатом договорились, как мирные соседи. Скажи, Булат!

Фельдшер поддакнул.

— Он тоже пленник. Его ожидает суд наших горцев за потакание неверным, — важно отрезал главарь.

— Не трогай меня, Руслан,
— взмолился старик. — Уколы,
бинты, лекарства были необходи-
мы для нашего народа. Суд
меня оправдает, а тебя накажет.
Остынь.

— Если ты, Булат, не заткнёшься, то у меня с тобою не будет никакого суда, я тебя зарежу, как мясо коровы. Ты же знаешь, кто я такой.

Телегу освободили от всякого груза. В неё затащили пленников, и чёрная кавалькада пропала в горах без вести для комбата.

Когда развязали глаза, расклеили рты, было темно. Невольники ютились в каменном сарае, где содержали рогатый скот и лошадей. Пахло помётом. Запах стоял ядовитый, аммиачный. Тут же в отдельном стойле находился их ишак. При свете луны, проникавшем через разбитое, но зарешечённое окошко, был виден его понурый силуэт. Ишак питался около коров старой соломой.

— Хоть бы один бидон с водою оставили, — произнёс Валера.

Хотелось пить.

— Вода в поилке для скота, — подсказал Булат.

— Я опутан верёвками. До крана не доберусь.

— Руденко, прости, я был неосторожен, — отозвался Алим. — Шатался в чужой стране по всей деревне, как дома в Татарстане.

— Где мы, товарищ старший лейтенант?

— Мы, Валера, в плену.

— Нас убьют?

— Это как знать... Может быть, нас и убьют, а может быть, потребуют выкуп.

— Я не имею денег.

— Я тоже.

Вмешался Булат:

— Кто-то донёс Тагиру о том, что вы набираете воду в лощине.

— Границы новой страны пока условны. Запретов на воду нет.

— Тагиру воды не жалко... И денег ему не надо... Это ложное поклонение дирхамам приводит к вырождению человечества, так считает Тагир. Он правоверный мусульманин. Ваши русские люди ценят мир с надёжной работой, с высокой зарплатой. Утром они поднимаются к завтраку, потом идут на заводы или на государственную службу, далее — на обед, и когда вечером возвращаются домой, то, как эти коровы в стойле, жуют и ложатся спать. Смыслом их жизни стало получение скорого богатства и процветания. Только это всего лишь попытка застраховаться от неприятностей. Их беды никогда не окончатся. Сегодня беда на работе, завтра с женою, потом с детьми, с размещением, с оплатой жилища, и всякий раз, когда одна беда решена, появляется другая. В этой рутине проходит бездарная, безбожная жизнь. Человек умирает, а неприятности остаются.

— Чего же хочет Тагир?

— Он хочет мести. Его единственную дочку Камилу русские солдаты замучили до смерти в казарме. Акрам, её муж, валялся там же, как ты сегодня валяешься здесь, — закованный, избитый. Его пытали электрическим током, подвесив на железном кресте. Потом Акрама убили. Дети Камилы видели эти смерти. На маленького Рояна русские спустили собаку. Укусы животных подолгу не заживают. Мальчишка теперь боится любых собак на свете. Внучка Тагира сошла с ума. Зовут её Аниса, по-вашему значит Настя. Девочке семь с половиной лет. С людьми она молчалива. Всего два слова: да или нет. Другое дело — животные. Возьмёт маленькая Аниса на ручки кошечку и что-то поёт. Потом увидит в будке собаку, нет, не ту собаку, которой травили брата, а порядочную собаку, честную, человеческую, блохастую — совсем не милицейскую тварь... Встанет перед ней на колени, как на молитву, и читает ей Коран. Собака ответно вертит хвостом, и лижется, и ластится к девочке, стучит от радости передними лапами по земле. Тагир увидит это нелепое представление в окошко и тайно плачет, скрипя зубами. Но я-то знаю, о чём печалится этот человек.

— А кто такой Руслан? — поинтересовался Алим. — Тот самый абрек, который меня избил.

— Он брат замученного Акрама. В его отряде все — проверенные вайнахи. У каждого из них кто-нибудь погиб или пострадал от зубов омоновских воротил в фильтрационных лагерях. Камилла с детьми хотела уехать от этой напасти к двоюродной сестре в Ростовскую область. Но даже туда её не пропустили ваши менты. Вернули в лагерь.

— Значит, всё-таки Немезида?

— Месь — холодное блюдо. Она хранится в душе, не проходя до самой смерти. Со временем это чувство только растёт и ищет исхода в стране, где у власти оказались никчёмные судьи.

Никто не спал. Ближе к утру подъехал старый санитарный микроавтобус — «таблетка», и в полдень невольников доставили в небольшое лесное поселение, укрытое в горах. Четыре накатанные жилые избушки, туалеты, баня, конюшня, коровник, старый пустующий гараж, при нём слесарная мастерская да пара больших палаток, вот и всё благоустройство. В лучшие годы в этом месте находился конный спортивный лагерь, откуда летом начинались туристические маршруты по историческим местам. Сегодня в этом пристанище лечили и обучали боевиков.

Когда опутанных пленных повели в штабную избушку, на улице появились дети — мальчик

и девочка. Невольники догадались, что это Роян и Аниса. Роян нагнулся за камнем.

Араба звали Дамир. Он верховодил. Тагир и его угрюмые вайнахи стояли, как подчинённые люди.

— Который врач? — сурово спросил Дамир.

Руслан показал на Алима.

— Ты умеешь лечить чёрные и рваные раны?

— Мне нужны инструменты и препараты.

— Хорошо. Ты получишь и то, и это.

Араб оглядел Булата.

— Ты тоже врач?

— Я фельдшер, мой повелитель, а не хирург. Я лечу пациентов только от простуды.

— Вы оба сегодня отмоетесь, переоденетесь и будете работать в моей больнице, — распорядился командир. — Бить вас больше не станут.

Он вопросительно посмотрел на Руденко.

— А ты?

— Я солдат, — ответил Валера.

Араб повернулся к Тагиру.

— Это твой личный пленник, мой брат. Ты можешь его продать или отрезать ему башку.

Дети стояли рядом с дедом.

— Аниса, ты видела этого человека, когда пытали отца?

— Нет, — ответила девочка.

— Ты кинул камень, Роян. В кого?

— Такие солдаты пинали меня ногами, когда я находился в тесной железной клетке в русской тюрьме.

— Он один из них?

— В той самой клетке я не мог повернуться даже на бок, я не сумел закрыться от ударов. Я, девушка, валялся ниц и почти не видел их бешеные лица. В глазах у меня стояла кровь.

Рассказ шестой. Аниса и Роян

В маленькой механической мастерской уже давно не проводились слесарные работы. Она пустовала. При советской власти в кузнечном углу ежедневно дышала небольшая отражательная печурка. В ней нагревали железные заготовки. Из них лепили декоративные ограды, дверцы, подсвечники, цветочные подставки и подковы для лошадей. Теперь печурка местами разрушилась, многие кирпичи поотвалились. Наковальню сдали в металлолом. Вместе с нею навеки пропали все кузнечные инструменты: кувалды, зубила, пробойники, подсечки и клещи. Металл себя исчерпал. Такое опустошение постигло всю страну. Её приватизация, как саранча, сожрала государственное хозяйство, подтолкнула людей к жестокости, к войнам: кого за землю, кого за веру, кого за правду. Но, чтобы замучить одного ничтожного

пленника, кое-какие технические возможности всё-таки остались. В лагере появился Петруха-на-расхват. Он недавно обрезался в мусульмане и отпустил небольшую бородку. Вайнахи его называли братом. Однако великой важности среди них Петруха ещё не приобрёл и жил, как прежде, на побегушках. Деляга принёс цемент и перестроил печурку в подобие сводчатого чулана, внутри которого человеку было ни приподняться, ни развернуться. В этом кирпичном сегменте Валерка вертелся на четвереньках. На шее — стальной ошейник, на ошейнике — тросик. За стенкой — лебёдка, державшая невольника в узде. Два или три раза в неделю мучители выгоняли узника из-под камня, чтобы тот немного «попрыгал» по помещению мастерской — подразмялся. Руки у Валерки в запястьях были опутаны капроновой бечевой. Роян брал плётку-свинчатку и лупил ею огромного человека, как животное. Руденко был беззащитен. Он метался по цеху с горькими криками — плакал. Ему было больно. Когда маленький экзекUTOR уставал, Петруха повсюду-мастер отмывал окровавленную жертву из шланга вонючей водой. Её хранили в подземном баке с незапамятных времён для тушения возгораний.

— Прими, как я, ислам, — поучал новый российский мусульманин. — Тебя развяжут, переоденут. Ты станешь пять раз в

день молиться Аллаху и питаться, как честный человек. Свинину, правда, кушать совсем нельзя, но курицу можно.

Заканчивая пытку, по жесту Рояна, Петруха, его послушный слуга, торопился к лебёдке и втаскивал тросиком измотанного пленника в конуру, придуманную Тагиром. Бывшая печь имела тягу. К полудню Валерка просыхал и весь божий день, как собака,лизывал доступные раны. Роян торжествовал.

— Ты погляди-ка, Мухтар! — Так нарекли Петруху мудрые мусульмане. — Через полгода этот Руденко обростёт у нас вонючей шестью и станет гавкать на всю округу, как алабай.

Днём приходила Аниса-Настя. Как в трауре, чёрная и безликая, она поила Валерку чистой водой. Девчужка наливала её в металлическое корытце из принесённых кувшинов, и пленник тянул эту воду губами так, как это делал его ишак, разве что стоя на четвереньках, захватывая корытце опутанными руками, растопырив при этом разбитые локти. Пил да косился то на Рояна, то на Мухтара, если они находились поблизости, и боялся неожиданных резких звуков извне. Настёна доставала лепёшку, и пока Валерка её уминал, держа в чуть раскрытых ладонях, по складам читала ему Коран.

Появился Алим. Он осмотрел Валеркины раны, оставил девочке дегтярную мазь, таблетки. С той

поры Аниса ежедневно натира- ла пленному солдату разбитую ошейником шею, смазывала руб- цы, кровоточившие после уда- ров свинчатки, с руки подавала Валерке сахар и убиралась в его печи. В туалет солдата никто ни- когда не отпускал. Он мочился и испражнялся в месте, в кото- ром жил. Руденко ожидал по- явления Насти, как солнца. Че- рез месяц, а может быть, ранее, одежда у солдата превратилась в лохмотья. Зашёл Булат и, являя великое сострадание, передал Валере старый пуховый спаль- ный мешок. Пленнику стало те- плее жить, но скоро появились вечные спутники человеческих мучений — вши, и не было воз- можности почесаться. Потом прибежали две огромные крысы. Ночами они безнаказанно оши- вались около чулана, мешая ус- нуть. Как-то, увидев их, Аниса принесла большую пегую кошку и что-то ей нашептала. В сухие безлюдные минуты животное почти не покидало замученного пленника, мурчало, грело его и посылало материнские импульсы своей могучей кошачьей любви, если сердце у подопечного за- мирало от слабости. Роян уже хотел привести сюда собаку и поразвлечься для смеха... Да боялся собак. Крысы ушли в ко- нюшню, там не было кошки.

В горах уже пуржило, однако в лагере повсюду пестрело, и было ещё тепло. Деревья соревновались в желтизне, роняя листья. В такое

осеннее утро пришли вожди Да- мир и Тагир. Стоя около Валер- киной конуры, они говорили про величие ислама.

— Аллах удостоил Ису и Му- хаммеда чести быть лучшими среди своих посланников, — вы- сказался Дамир.

— Мир им обоим, — поддер- жал араба Тагир.

Валерка от страха прижался к дальней стене чулана.

— Сегодня мы воюем за новое государство.

— Но эта война уносит луч- шие жизни.

А где не лицемерят на эту тему? Араб нагнулся и потянул Валерку за космы из тьмы на свет.

— Это тот самый могучий рус- ский солдат, который попался в плен?

Он обратился к юному, но успешному палачу:

— Скажи, Роян, как он так быстро переменялся: похудел, оборвался, ослаб? Воняет, слов- но дохлая рыба... Твоя работа?

— Да-а, это моя собака, — об- радовался мальчишка, выпячи- вая грудь перед важными стари- ками. — Скоро он будет гавкать.

Дамир увидел крестик, висев- ший у Руденко на шее.

— Ты веришь в Ису?

— Нет, — ответил Валера. — Я атеист. Тому меня обучили в школе.

Главарь сорвал с солдата кре- стик и выкинул в открытую фор- точку. Потом спросил у Тагира:

— Разве ты не хочешь продать солдата его родным?

— У Руденко больная мать. Мы вместе с Анисой перечитали все её письма, присланные сыну. Я нашёл их в кармане у пленника и понял, что он безотцовщина, он слабого рода. Его мамаша безнадёжно бедна, к тому же больная. Хороший выкуп за пленного не найдёт...

— Тогда отруби ему голову. Он безбожник.

— Сегодня другое время, мой брат. Чтобы стать ближе к Богу, людская жертва не нужна. Я знаю иные возможности для работы с неверными.

— Это какие?

Тагир показал на Петруху.

— Вот этот русский умелец живёт в чеченской деревне. Не пререкаясь, он принял учение Мухаммеда, и я тогда подумал, что мусульманское государство уже не за горами, если все люди, скажем, проголосуют за ислам. Мы проведём референдум во всей России и предложим избирателям ответить только на два вопроса: «да» исламу в нашей большой стране или «нет» — и в главном законе, в Конституции, пропишем волю Пророка.

— Если люди ответят: «Нет»?

— Такого не может быть. Слово «да» мы в бюллетенях пропечатываем выше и краше, чем слово «нет». И кроме этого... Нам нужен во власти свой молодой исламский президент, его твёрдая

надёжная воля и деньги на мирную агитацию россиян.

— Такая мирная агитация, Тагир, уже ведётся второе тысячелетие. Мечети повсеместны, но есть народы, которые по-прежнему во Христе или хуже того — язычники или атеисты, как Руденко.

— Угроза кнутом в России сильнее порки. Русские люди повсюду боязливы и послушны. И атеисты, и христиане, и даже буряты. Я полагаю, что все они от Москвы и до Камчатки проголосуют за нашу мусульманскую власть.

— В твоих рассуждениях, мой брат, нет настоящей правды. Ты, Тагир, устал. Окрепни... Религия — это не то место, где люди устанавливают свои правила путём обмана. В её основе прежде всего лежит истинная вера. Это чистота сердца и совести.

В тот день Валерку не били. Не глумились над ним иначе... После ухода великих мусульман пришла Аниса. Крестик она случайно увидела в свежей осенней луже, узнала его, отмыла и вернула на шею пленному человеку. Как прежде, она напоила Валеру чистой водой, достала сахар, и он его давил разбитыми дёснами. Сладкий вкус был сильнее соли человеческой крови, стоявшей в полости рта. Валерке очень хотелось, чтобы сахар никогда не заканчивался. Но вот Аниса подала ему в ладони лепёшку и открыла Коран...

Рассказ седьмой. **Птицы, прощаясь,** **летели мимо**

Не были тёмными или отсталыми людьми ни араб, ни старший вайнах, ни их абреки. Первый имел учёную степень богослова и повсюду проповедовал ислам, считая, что это лучшее нравственное учение на свете, а Тагиру было за шестьдесят. В этом возрасте лидеры становятся мудрыми без всяких учений. Иная жажда сушила их разум. Это была мирская несправедливость: вопиющая, очевидная, глубокая и страшная.

Сорок лет тому назад Тагир присягал на верность Отчизне. Вместе с другими джигитами он приехал на службу в строительный батальон и поначалу уверовал в благодатность советских воевод: ворочал лопатой, махал киркой, послушно таскал тяжёлые носилки с бетоном и даже убирался вместе с пачкунами в казарме под хохот распоясанных мелких командиров, при посвисте их крутящихся ремней. Сержанты во время уборок лупили слабаков да обзывали их не по-людски, а по-скотски. Однажды Тагир возмутился и отказался мыть полы. Назавтра его сослали в «борзую» роту. Туда собирали дебоширов со всей округи и мордовали их, не опасаясь всяких законов. Была зима. Вчерашние бузотёры проживали в палатках. Днями они на холоде

мотали колючку, валили в сутробы лес и как убитые спали по ночам. Окрест располагались другие строительные части. В полку процветало воровство. Пропадали шапки, валенки, ремни.

Дневальные бдели. Один из них находился около караульного столба. Он охранял покои снаружи. Слабенькие светильники испускали недалёкий тусклый свет. Время от времени уличный сторож передвигался вдоль палаток и осматривал зашнурованные окна. Другой занаряженный солдат топил буржуйки. Через каждые полчаса роли менялись. Дежурный по роте старший сержант Латиф Аскеров мирно спал. Он служил, не утруждаясь бессонницей.

Когда случилась кража вещей, Тагир находился около печки, колол дрова, он не услышал воров. Его напарник Иван Бутенко пребывал на морозе. Шёл беспокойный снег. Луна утонула в далёких перистых облаках. Иван увидел около палаток посторонних людей и поднял крик. Солдаты роты проснулись. Трое военных строителей схватились за топоры и кинулись вдогонку пришельцам. Но «крысы» исчезли. Их следы запылались. В гарнизоне царил мёртвая тишина.

Пропали две шапки. Старший сержант Аскеров начал возвышенную бойню. Он мордовал, ушиваясь своей злорадной властью над приниженными людьми.

ми: вначале дупил Тагира, потом Ивана. Когда Бутенко упал, его пинали ногами бывшие хозяева шапок. Поутру ротозеев оформили на «губу». Там их тоже избивали, но не за шапки, а просто так, по долгу службы. Джигит и украинец побратались в темнице и поклялись отомстить Латифу за мордобой. Через неделю после их освобождения с гауптвахты неугомонный старший сержант повторно избил Ивана. Украинец попал в больницу с надорванной печенью и умер в ожидании хирурга. За эту гибель наказали палачей, служивших на гауптвахте, но никак не Латифа.

Весною старший сержант Аскеров уволился в запас. Тагир дослужил через год. Он отыскал мучителя в Карабахе. Отрезанную голову Латифа вайнах отослал комбату на память. За это дерзкое преступление Тагира осудили на десять лет. Он поздно женился. Недавно в процессе никчёмной войны Тагир потерял свою единственную дочку Камилу, поруганную в русской казарме. Внуки у Тагира осиротели. Аниса была излишне добра, а мальчонка Роян, не зная меры, дупил своих врагов. Ему хотелось убить Руденко.

Птицы, прощаясь, летели мимо... Обрывая последние листья, в лагерь примчался колючий ветер. Вихляясь, трещали оголтелые ветки, знобило, и вот посыпались противные слякот-

ные дожди. В округе сильно похолодало. Без дела в кузнечной подсобке валялся каменный уголь. Тагир оценил его запасы, и брату Мухтару было приказано весь этот уголь перенести в жилые места.

— Есть, — ответил Петруха.

— Дрожишь? — спросил Тагир у Валерки.

Роян уже неделю лечился в тёплой избушке. Его свинчатка без дела лежала на полу.

— Не бойся, Руденко, хлестать я тебя не стану.

— Можно я принесу ему старое одеяло, Тагир? — осведомился Петруха. — Руденко сопливит, чихает кровью. У Руденки туберкулёз.

— Ты, Мухтар, зачем вернул ему крестик?

— Это не я его вернул, это Аниса его вернула. У женщин в исламе намного больше прав, мой старший брат, чем у меня. Я тут совсем ни при чём.

— Моя любимая внучка — ненормальная, — согласился вайнах. — С тех пор как онаворотилась из русского мира, то ежедневно напевает аяты Корана для всех своих подопечных кукол и пленного, которого я всё-таки зарежу, как Латифа. Я знаю эту неизлечимую душевную болезнь. Она называется «христианство».

Хозяин ушёл... Валерке стало тревожно. Уже вторую неделю его никто не истязал. Напротив, была забота. Петруха принёс

одеяло и местами прожжённый, простреленный, но толстый ещё бушлат, стянутый с мертвяка. Алим и Булат попеременно колотили Валерке в тело что-то от болей. Уходя, врачи всякий раз оставляли сонники. В поилке была вода. Даже коробка с рафинадом лежала под носом. По кусочку пленный таскал его губами, и сахар не кончался. Аниса приносила ещё. Собравшись как эмбрион, праведник засыпал среди вороха подкинутой рвани и видел нелепые, но счастливые сны.

Вот он в металлургической печи во время ремонта подины греется, сидя на остывающих кирпичках. Рядом с ним находится его мамка. На ней суконный чёрный костюм, на лбу у мамки защитные очки, на голове серый пуховый платок и каска красного цвета, в руках почерневший от копоти чайник. Поодаль вспотевшие товарищи втирают рукавицами песок в шамотную кладку перевала. Валерке хочется помочиться. Мамка его зовёт к себе, предлагает ему конфеты. Как же трудно и больно перевернуться к ней навстречу.

Аниса громко шмыгала носом. Она пришла внеурочно, без книжки; когда Валерка проснулся, протянула ему в подарок конфеты. Такого не было никогда. В эту минуту он подумал, что ныне его убьют, что это его последняя встреча с Настей.

И почти угадал...

Дамир уехал воевать. В бывшей спортивной деревне остались только больные да караульные люди...

— Руденко, Бутенко, Петруха, — бубнил Тагир, заправляя соляркой дизельный генератор электрического тока. — Бутенко давно убит и отомщён, Руденко болен туберкулёзом. Он заражен. Врачи — чужие пленные люди, лечат гангрену. Если появятся большие русские отряды, что я буду делать? Скрываться от них, как мышка в нору, или лгать на допросах? В мои-то годы. Ай-яй-яй... Второй свободы уже не будет.

Репортёры безбожно стрекотали про войну, обличая шиитов и суннитов. Повсюду мелькали портреты суровых исламских вожakov, чьи судьбы как на ладони излагались от их появления на свет до самых последних военных передвижений. Бывшая супруга Латифа узнала Тагира во время просмотра российских теленовостей. Она неосторожно сообщила об этом старшему сыну — единственному сыну Латифа, и с юга из Карабаха на Северный Кавказ просочилась третья исламская сила. Во главе небольшого отряда мстителей стоял Асад Аскеров. Его абреков никто не ожидал. Асад напал на лагерь Тагира неожиданно, в полночь, и в течение часа расправился со всеми встреченными людьми.

Во время боя Валерка зарылся в тряпки и уцелел. Что-то с громом влетело в соседнюю комнату. Раздался взрыв, вздрогнули стены мастерской, и кичман, сооружённый Петрухой, растрескался. Руденко встал на колени, выгнулся, словно кошка, выдавил потолок. Солдат перетёр свои капроновые путы об острые кромки сломанных кирпичей и уже свободными от верёвок руками отцепил находившийся у него за спиною собачий карабин. Тесный ошейник ослаб, легко разжался, узник освободился от тросика и впервые за время плена вышел на воздух через разбитое окно.

В штабной избушке в крови валялся обезглавленный Тагир. Зажав руками живот, с ним рядом навеки угомонился Роян. Валерка хотел увидеть Настю, боялся: «А вдруг убита?» Из штаба он отправился по домам и полночи заглядывал во все углы да чуланы, вызывая её по имени: «Аниса, Аниса, Настя. Где ты? Иди ко мне». На пути попадались мёртвые люди, но девочка не находилась. По ходу была больница. Многие пациенты погибли, лёжа в кроватях, иные скорчились на полу. Алим сжимал, как оружие, медицинскую инфузионную стойку для вливаний. Было видно, что перед смертью он сопротивлялся. Булат ещё дышал.

— Ты как? — спросил Валера.

— Пока живой, — тихо про-

молвил фельдшер. — Во мне две пули.

— Анису ты видел?

— Поутру она попросила конфеты и ушла. Вот её книга и кукла.

Коран, простреленный пулями, лежал среди убитых.

— Аниса снесла конфеты мне, — шёпотом признался Валерка. — Только она одна зачем-то меня жалеет и каждую минуту боится, что меня зарежут, как мясо коровы.

— Беги отсюда, Валера. Беги быстрее ветра. Когда вернутся наши арабы, то они-то тебя и зарежут...

— Я полгода живу на четвереньках. Я еле-еле подвижен. Куда мне бежать-то? Сколько туда ползти?

— В мою деревню... Бери машину, Валера, и гони на ней, не оглядываясь, в горку и дальше вниз. Ключи у Тагира в правом кармане. Его «таблетку» ты видел. Она находится в твоей мастерской, там же, где лебёдка, за стенкой. Машину Тагира знают все тутошние вайнахи. В дороге её никто ни разу не оставит.

Когда Руденко собрался в путь, Булат уже умер. Еле-еле Валерка втащил тела убитых врачей в салон автомобиля и помчался в сторону федеральной трассы Ростов — Баку. Коран и любимая Настина куклолка лежали как память за подкладкой его бушлата.

Рассказ восьмой. **Возвращение из плена**

Светало...

Новая водовозка болотного цвета остановилась около помятой серой «таблетки», нелепо стоявшей на повороте федеральной трассы Ростов — Баку. Передние окна у машины были разбиты. На обочине лежал долговязый водила в поношенном бушлате. Его седые космы волновались от ветра, словно ковыль. Брюки были измяты, рваны. Ботинки просили каши. Из обувки наружу торчали тряпочные обмотки, светились голые пальцы да ногти на них, загнутые, как у хищного зверя, длинные, пожелтевшие от грибковой заразы.

— Я частенько видел эту машину раньше, — подметил начальник продовольственной службы. Сам он повсюду мотался как экспедитор.

— Вся дорога нынче обледе-нела, — отозвался его шофёр. — Это лихач, а не водитель, он вре-зался в ограждение магистрали.

Младший сержант Равиль Ахметшин очень гордился своими успехами на дорогах. Все машины были ему послушны. Недавно Равиль получил желанную водовозку вместо Руденко, без вести пропавшего весной. Собеседники спешили.

— Вроде бы жмур, — произнёс Ахметшин.

Они заглянули внутрь «таблетки».

— Жмур, — согласился напарник. — Причём не один. Тут их полный катафалк.

В салоне лежали трупы врачей.

— Вот этот, кажется, даже наш, армейский.

Из-под халата у Алима виднелся офицерский костюм.

— Мухамедзянов! — вскрикнул Равиль. — Вот это встреча... И деда я тоже знаю — Булат. Он из той вон деревни, откуда мы таскали чистую воду.

— Я вижу жареную кровь, — начпрод осторожно потрогал рану Алима. — Это огнестрел, товарищ сержант. Его убили из пистолета. Почти в упор. И у того, у седого, который валяется снаружи, тоже есть прорехи от пуль, как у Саида, но только свежей крови на одежде я не заметил...

Равиль стремительно бросился к человеку, лежавшему на асфальте.

— Товарищ лейтенант, товарищ начпрод, это же Руденко. Я его сразу не признал. Он и эти самые доктора пропали в мае. Вы тогда были ещё в училище и про этот случай не знаете ничего.

Ахметшин присел на корточки и приподнял Валеркину голову ладонями.

— Он горячий...

— Такой огромный. Давай-ка вместе его затащим в нашу кабину, и гони-ка, младший сержант, обратно в часть.

В медпункте Руденко раздели, осмотрели его лохмотья. В нижней одежке кишели вши. В карманах нашли конфеты без фантиков и детскую куколку в чёрном платье, поцарапанную войной. За подкладкой в бушлате лежала простреленная арабская книга.

— Сожгите всю эту рвань, — распорядился старший медбрат. — Проводите солдата в баню. Подстригите его, побрейте, отмойте. Смените ему бельё. Да положите на койку — высыпаться.

Будучи голым, Валерка слушал своих заботливых няnek да всё чесался, сдирая кожу с искусанного вшами тела, ломал ногтями струпь от старых плёточных ран, нанесённых Рояном.

— А книгу, а куклу, а грязные конфеты? — спросил Ахметшин. — Их тоже отправить в печку?

Руденко дёрнулся за Кораном.

— Я тебе его не отдам. Это добрая память.

Медбрат расхохотался.

— Куклу его отмойте. Книгу посыпьте дустом для дезинфекции. Конфеты отдайте на обед ишаку.

— Яшке, что ли? — удивился Руденко. — А как вы его нашли?

— Мы, Валера, его не искали. Он появился через день или два после вашей пропажи.

— Сам появился?

— А что такого? — ответил старший медбрат. — Как все на свете кошки, как птицы, как ты,

Валера, ишак стремился домой.

— Это вы меня подобрали, не испугались моей заразы. Могли бы бросить.

— Нет, Валера, это не мы тебя подобрали. Тебя повсюду искал комбат.

Валерка заплакал.

— Мне стыдно. Когда я чалился в плену, после ежедневных побоев ко мне приходили девочка и кошка. Девочка была маленькая, а кошка её была большая — взрослая кошка. Она отпугивала крыс. Однажды девочка оставила мне коробку рафинада. Как собаке... Я действительно жил как собака... Я лизал этот сахар языком, хватал его губами и грыз на уцелевших зубах. Я торопился, я задыхался. Кошка спокойно лежала со мною рядом и грела меня, равнодушная к наслаждению. Мне очень хотелось, чтобы она тоже хрустела сахаром на пару со мною — по-братски. Так, как наш ишак весною хрустел сухарями. Он бы не отказался от сахара.

— Не плачь, Валера. Больше не будет плена.

— Отдайте мои конфеты ишаку. Прежде помойте, протрите их от грязи. В достоинстве мы равны: и люди, доведённые до состояния животных, и животные, очеловеченные людьми.

В бане, согнувшись, словно вопросительный знак, кожа да кости, высокий обнажённый дистрофик поливал из ковшика своё полгода не мытое тело тёплой

водой, отогреваясь после долгой неволи.

Назавтра в палату зашёл комбат.

— Мамка твоя писала повсюду жалобы, товарищ Руденко, звонила в политотделы, ходила по всем инстанциям, просила тебя вернуть. Вначале живого, потом любого. Мы повсюду тебя искали. Поверь... В той самой деревне я лично опросил всех проживающих в ней вайнахов. Они, как и прежде, получают от нас в подмогу лекарства и бинты.

— Письма какие мне были, товарищ майор?

— Из дома, что ли? Были, Валера, были... Конечно же, было немало писем. Мы их отправили обратно.

Комбат не досказал, что мамки у парня в живых больше нет. Вера Ивановна Руденко померла. Вначале ей ампутировали ноги. В последние дни жизни женщине кололи морфин. Она общалась с любимым сыном во снах, не обивая пороги военкоматов.

Как-то за дверью палаты раздался знакомый голос. В больничке объявился Петруха-на-расхват. Валерка стремительно поднялся с кровати. В кальсонах, не наряжаясь в верхние тряпки, Руденко устремился на встречу с подлым человеком. Лекарства, обещанные майором, Петруха держал в руках и уже любезно прощался с врачами. Валерка ворвался в ординаторскую

без стука. Он развернул курьера к себе лицом.

— Где Аниса, Мухтар?

Бывший палач перепугался.

— Я про это точно не знаю... Прости, Валера. Аниса куда-то ушла, наверное, в старую башню к своим далёким родным, но она живая... Тагира убили азербайджанцы.

— Я видел Тагира. Ему оторвали голову.

— Но тебе я, Валера, всё-таки помогал, не губи меня понапрасну. Я же свой. Я же русский.

Руденко схватил Петруху за грудки и оттолкнул его — грубо, от сердца.

— Ты русский, Мухтар. Ты самый русский на белом свете. Это ведь ты нашептал Руслану про овраг. Это из-за тебя мы оказались в плену у Дамира. Мои друзья Алим и Булат погибли, по сути, в рабстве, но как честные люди, а я полгода жил на коленях. Вы с Рояном на пару каждый день меня стегали до полусмерти.

— Я не стегал, неправда, я тебя отмывал от крови и прятал в нишу. Я помогал.

После встряски бушлат у Петрухи распахнулся. На шее у предателя маячил... маленький крестик. Когда Руденко его увидел, то обезумел от гнева. В гробу или саване, в ином ли полотнище завертелся мёртвый Роян. В памяти у Валеры витала его свинчатка, работал кнут. Повсюду в мире творились правые и не-

правые мести. Руденко бросился на Петруху, как привидение, — в белой пижаме, в тапках на босы ноги — и погнал многоверца из воинской части за все шлагбаумы и кордоны честного мира. Как абразив, как аккорды духовной правды, с неба со скрипом посыпался мелкий колючий снег, зачищая следы негодного человека.

Назавтра пришли первые результаты медицинских проверок. Палочка Коха имела место. На скорую руку опасного пациента собрали в иную, главную больницу, туда, где доживали чахоточные люди.

Перед отъездом Руденко показали карту Ичкерии.

— Скажи, рядовой солдат, где это было? — спросила разведка.

Он долго водил по карте пальцами, кумекал, но промолчал... Там, в горах, скрывалась добрая девочка Настя. Она уже в полной мере познала фильтрацию российских лагерей, и передать её обратно в лапы военной комендатуры Валерка не смог.

— О, да ты уже почти ваххабит, — догадался главный разведчик, увидев простреленную книгу в руках у молчуна. — Не будет тебе, Руденко, награды из нашего Кремля.

Рассказ девятый. **Чахотка боится счастья**

Больничка находилась в усадьбе, обустроенной под русскую старину. Для пользы народа её

отжали у богатеев, удравших за рубеж от пролетарской диктатуры в двадцатые годы. Главное переднее здание архитектурного комплекса имело два этажа и жилую мансарду. На первом находились лечебные кабинеты, кухня и душевые, выше — палаты для больных. Рядовые солдаты бедовали вшестером, а хворые прапора да мелкие офицеры ютились по двое или по трое. В люксе, обустроенном в мансарде, томился бесноватый полковник, наживший себе сразу лёгких ещё во времена войны в Афганистане от дыма конопля.

Возле больницы стояла маленькая часовня. Тут же столярка. За нею имелся подземный ледник, где изучали тела умерших. Около усадьбы тянулся высокий сквозной забор из металлических прутьев. Далее, у присыпанной снегом речки, громоздился смешанный лес.

Двое рабочих, особо не напрягаясь, колотили гробы для будущих похорон. Помирали не только больные туберкулёзом, но и люди, проживавшие в округе. Избытка в деревянных костюмах не наблюдалось. Кладбище находилось на половине пути от больницы в посёлок. Почти ежедневно долетали до слуха плачи и причитания осиротевших людей. В столярке имелась лишняя водка. Скорбящие возле кладбища бедолаги её покупали для поминок, а имущие пациенты, живущие

при больнице, выпивали от скуки по ночам. Сроки лечения лёгких были велики: по четыре, по восемь месяцев кряду, по году. Время казалось долгим.

Доктор Валерку не обнадёжил:

— Твоя болячка, Руденко, очень сложная. Я даже ума не приложу, как она могла появиться в груди у такого богатыря.

Не отрываясь, он буравил глазами нового пациента.

— Я был в плену, — признался Валера. — Меня избивали плетью и отмывали от крови из вонючего шланга. В темнице было сыро и грязно.

Он отвечал неохотно, немногословно.

— И не кормили? — подметил врач.

— Да... Меня как следует не кормили. Чулан — это не санаторий. Я голодал.

— Теперь ты будешь питаться в полную меру — четыре раза в день. Но зубы твои, я вижу, ни к чёрту.

— Меня излечат?

Врач осторожно ответил:

— Зубы твои излечат, но чашотку — не знаю... Надейся, Руденко, поможет Бог. Ты только не кури и не бухай. Не бери пример с оборзевших командиров.

Телевизор плевался новостями, как пулемёт. Однажды вечером (было поздно, хотелось спать), наблюдая реалии далёкой войны, Валерка узнал Руслана. Его отряд разгромил

колонну боевых автомашин. Руслан глумился, как победитель, над людьми, стоявшими на коленях. Когда-то он также изгалялся над Алимом — ядовито, жестоко, пуская кровь.

— Мы помогаем разбить Россию американцам, — ухмылялся Руслан.

Эта хроника обличала жестокость врагов. Полковник, вершивший дела в эту минуту у телевизора, разгневался.

— Надо немедленно вывести все наши войска из Чечни и сбросить на Грозный лучшую атомную бомбу. Пускай передохнут все до последнего вайнаха. Те же, которые уцелеют, станут смиренными, как ягнята.

— Там дети, — удивился Валерка. — Рядом с чеченцами живут кабардинцы и дагестанцы. Они добры и послушны России, но пострадают ни за что.

— Тебе их жалко? — заорал пьяный полковник. — Да я таких, как ты, рядовой, мочил в сортирах Афганистана. Вон отсюда...

Загулявшие прапора и мелкие офицеры, сидевшие рядом с полковником, развеселились. Сами они никогда нигде не нюхали порошу и свои болячки нажили на северах, как бездомные бродяги, по-честному прошивая полярные денежные надбавки. Эти послушные конформисты оценили браваду «святого» афганца на пять и были согласны на ядерный удар. Словно глав-

ный участок фронта, всю ночь кипятился в больничном фойе телеэкран. Чахлые патриоты не устояли в «священной» войне. Они покинули диваны и отступили на новые, более мягкие и надёжные рубежи — в палаты стационара. То справа, то слева слышался их героический хрип и храп, не наносящий никакого урона внешним и внутренним врагам. Только один полковник, не сдаваясь, стрелял глазами в цель — по паскудной рекламе благополучий. Когда от холода Валерка поднялся и двинулся в туалет, шаркая тапочками по полу, полковник осипло кликнул:

— Солдат! Ты слышишь меня, солдат?..

— Чего тебе надобно, вешалка для наград?

— Посиди со мною, солдат, поговорим.

— Когда-нибудь я послушаю твои пустые речи, вояка, но не сейчас.

— Я был повсюду жестоким и подлым командиром. А ты, солдат, в плену не озлобился, ты стоек.

Это покаяние было уместным. Великий воитель помер утром от безнадёжных новостей. Его призывы к атомной войне оказались напрасными. Тело героя на одеяле стащили в ледник. Сняли мерку для гроба. Руденко вошёл в столярку. В помещении благостно пахло лесом. Среди отходов древесины солдат увидел чурбак,

немного похожий на человеческую фигуру. В начальной школе на уроках труда мальчишка занимался резьбой по дереву, но ресурсы для успешного творчества были малы, и времени для фантазий не хватало. Детские потуги на скорую руку оказались никчёмными. В душе занятие с деревом надолго не прижилось.

Сегодня в мире малой остался один. Недавно он узнал о мамкиной смерти и долго плакал. От многих страданий душа опустела. Обиды терзали сердце, лёгкие почернели от горя. Но желание созидать нахлынуло в эту полую нишу, как панацея от злой судьбы. Так заполняется вакуум. Стремительная болячка, до этого поевавшая человеческую плоть, споткнулась. Из грязного чурбака Руденко вырубил светлую куклу. Это была Аниса. Как в жизни, она стояла, сложивши в молитве перед собою ладони, и, казалось, тихо чирикала, подглядывая в священную книгу, лежавшую перед ней.

— Ты это брось, — приказали в палате. — Не скорби понапрасну... Будь твёрдым, как камень. Сколько твоей девчонке сегодня лет?

— Семь или восемь, — ответил Руденко.

— До девяти её не тронут, а потом отдадут кому-то в жёны на потребление.

— Разве такое возможно? Она же ещё ребёнок!

— И даже не спросят у неё ни какого согласия на брак.

Настырный говорун, соблюдая приличия, досказал:

— Я вижу, что ты, Руденко, свалился в негатив. Я ведь брякнул нечаянно, не подумав, ты на меня за это не сердись. Но в горах действительно такие законы.

Спротивляясь обидам, Валерка вырезал другие игрушки: себя в кичмане — на шее трос, рядом корыто; Рояна с плёткой; Петруху-нарасхват, живущего для угождения более сильным; святого Алима, державшего скальпель над почерневшими ранами моджахедов; Булата — честного фельдшера — и книгу, простреленную пулей. Все они стали частями одной большой композиции «Плен». Но отдельной и самой страшной стала голова Тагира с его бездушными глазами, со всклокоченной бородой. Рот у скульптуры был распахнут, виднелись оскаленные мелкие зубы, язык. Нож, положенный около горла, подчёркивал жуткую смерть старого абрека. Впрочем, саму отрубленную голову наяву Валерка не видел. Её унёс с собою Асад.

Прошло полгода. Во время осмотра врач спросил у Валеры:

— В чём счастье, солдат?

И тут же продолжил, не дожидаясь ответа пациента:

— Оно в востребованности.

— В семье или как?

— Не только... Возьми бомжа. Да-а... у него ни дома, ни работы. Но есть щенок. И он приносит ему вечером кусочек мягкого хлеба. Пёс благодарен за эту заботу. Банально? Или творческий человек, такой вот, как ты, создавший что-то новое, интересное. Разве не счастлив он в такую минуту?

Доктор разговаривал с собою. Валерка молчал, предчувствуя радость.

— Ты знаешь, Валера, я заметил, что чахотка боится счастья... Ты, Валера, один из тысячи человек, кому по-настоящему повезло. Я вчера увидел твои последние результаты флюорографии, и болячка в них не отразилась. Отныне, Валера, ты здоровый человек. Я тоже счастлив, ведь я оказался востребован как врач...

Рассказ десятый. Капли дождя

Знобило. Кропило. Дуло...

В этот ненастный летний день Валерка вернулся с воинской службы. Пассажирский состав, в котором он добирался с Кавказа, у вокзала долго не задержался — умчался в Челябинск. На перроне Руденко остался один...

Как прежде, дымили промышленные трубы. Над ними летние тучи заслоном предохраняли голубизну вышестоящего

неба от красно-коричневого шлама сталеплавильного процесса, умело прибывая к земле крупную дождя витавшие в округе хлопья мелкой слюды, графита, кремнистую пыль. Она вредна, она в избытке в любой металлургии. На пристанционных путях торчали товарники, загруженные сырьём. За ними маячил цех, в котором два года тому назад Валерка ремонтировал марте-новские печи. Оттуда навстречу солдату, словно приветствие, раздался промышленный взрыв. Возможно, что малая толика воды просочилась через печные конструкции и попала в расплавленную сталь. Или подручный не просушил металллом. В такие минуты повсюду громко орут: «Срываем план... Давай, давай... За нашу славу и зарплату», — но забывают о безопасности. Тогда в разбитые окна промышленных фонарей наружу вырывается аварийный едкий дым и стремится туда же — в небо.

«На этом свете Аниса меня отмолит от горя, а что на том? — подумал Руденко и честно признался: — Мне уготовлен вечный огонь небесной металлургии за неверие в Бога».

Про явление ада Валерка неоднократно слышал от правоверных мусульман, читал у Данте. «Разве не ад — моя прожарка в печах на этом свете, мой долгий мучительный плен и вчерашний туберкулёз? Не ёмко ли в малой

жизни? Отпустят ли кафиру толику рая за эти страдания? День ли за день или подолее? Для Аллаха это пустяк, и вечность от этого короче не станет. Ад не истлеет, не пропадёт. Но в раю я на минутку увижу пресное море и напьюсь чистейшей воды. При этом меня не тронут ни словом, ни плетью — помажут целебной мазью раны, что больше года ноют на всякую непогоду. В раю в округе — смородина и вишня».

Размеров парадной одежды в каптёрке не оказалось. На скорую руку солдату подогнали нетронутый офицерский сюртук от самого высокого и старого прапора на Кавказе. К нему присобачили пустые погоны рядового. Нахлобучили фуражку с околышем. Сказали: «Езжай, Валера. Прощай... Не возвращайся». Отдали дембельские бумаги, копейки, и вот Руденко прикатился в любимый город. Вдыхая утреннюю свежесть, пешим ходом он направился домой. Первые работы стояли на остановках в ожидании трамваев, не обращая внимания на мешковатого солдата, не разукрашенного значками отличий.

У детского садика Валерка остановился. Карапузы, как и прежде, были капризны. С ними сердито прощались их озабоченные дневными делами мамашки, убеждая в необходимости остаться на попечении у нянек. «Не так ли я, задолжавший стране

своё избыточное здоровье, два года тому назад оказался в подчинении у безалаберных командиров, недоглядевших мою беду, мой горький, солёно-кровавый плен? И пугливо ожидал, что меня убьют в любую минуту».

Чернело старое пианино, открытое капельками дождя. Рядом лежали сумки с гирями. Он их оставил перед уходом на воинскую службу после прощального концерта. Немногие ребяташки помнили чудесного школьного акробата дядю Валеру и Лену-певицу. Два года тому назад эти ребяташки приходили в поднадзорную младшую группу и робко хлопали в ладошки артистам. И верещали, словно гусята. Теперь они повзрослели, окрепли голосами, покликали воспиталку. Им захотелось увидеть новый концерт.

— Юля Сергеевна! Дядя Валера вернулся с войны.

Пострелята окружили Руденко.

— Это правда, что ты циркач? — лепетали те из них, кто раньше его не знал, но был уже наслышан про чудеса.

Самые бойкие хватались за солдатскую форму.

— Где твои медали, дядя Валера?

— А ты кого-нибудь убил?

— А Лена придёт?

— А Лена сыграет на пианино?

— А Лена споёт про цирк?

Это были самые трезвые вопросы на белом свете.

Юлия Сергеевна испуганно глазела на великана, поседевшего в двадцать лет. Другие демобилизованные солдаты в её памяти были румяны, красивы, черны, игривы, а этот недавний богатырь высох, как надломленная ветка, стал окопного цвета. Для него не хотелось улыбаться.

— Дети, пора на завтрак, — позвала она. — Дядя Валера сейчас заберёт свои железные игрушки и уйдёт отсюда. Тёти Лены больше не будет, сегодня буду я.

Все, размахивая руками, послушно убежали за воспиталкой. Только один мальчонка остался стоять на месте. Он увидел рубцы на щеках у солдата. На них появились слёзы.

— Там было страшно, дядя Валера?

— С чего ты взял?

— Ты плачешь.

— Это капли дождя. Солдаты не плачут.

Мужчины в мире появляются для смерти на войне, а женщины необходимы для рождения новых солдат. Все они вместе управляют ненасытными вожаками, очень далёкими от окопов переднего края.

— Неправда, дядя Валера. Дождя уже нет.

— И в самом деле... Повсюду зелень и цветы.

Около года вши да чухотка тянули из тела воду. Во время плена и даже после него он плакал бесслёзно, жидкости в организме для этого не хватало, хотелось

пить. Жажда была мучительной, долгой. «Если я сегодня плачу по-настоящему, весь в слезах, значит, мне стало лучше», — догадался Руденко и вытер щёки.

Дома, в квартире, повсюду лежала пыль. Задёрнутые гардины, душно, темно. Без рук завяли комнатные цветы. Под ними, как хворост, валялись осыпанные листочки. Лишь одна пластиковая ёлочка напоминала о хорошем, о добром. Символическая звезда украшала её верхушку. Но неосвещённые шары висели мертвецки: не мерцали, не шевелились. Табуреты и стулья стояли, как в день похорон. На тумбочке находился мамкин портрет. Чёрная ленточка подрезала уголок её фотографии. Возле двери, ведущей на балкон, стоял, как большая игрушка, последний в России «Ковровец» — кроссовый мотоцикл, запрятанный Валеркой когда-то в подвале от стыда за растрату денег, которые нужнее были для выживания в мире расплодившихся негодяев, где подолгу не выдавали зарплаты, где цены на пищу беспощадно росли, ниже плинтуса опуская законопослушных. На бензобаке лежала сухая тряпка. Словно ребёнка, Вера Ивановна ласкала железную махину, любимую сыном. Рядом с его мотоциклом стояла её инвалидная коляска — важный предмет заботы государства о покалеченных, о безногих. Валерка попытался представить,

как одинокая безногая мамка перемещалась из кровати в эту коляску, чтобы добраться на кухню и смочить эту тряпку. Как можно прожить калеке без души, без ванны, без туалета? Не догадался... В мусорной корзинке находились пустые капсулы от инъекций, старые разовые шприцы, чёрные от крови тампоны. На столике около койки лежали тюбики с мазями, с ними таблетки, недопитая бутылка минеральной воды и письма. В отдельной стопке были немногие наивности от него, те самые радужные детские сочинения про дружественных вайнахов, написанные до плена. В другой (их было очень много) — сухие отписки из бессердечных администраций, где, будучи ходячей, его мамка обивала пороги с требованиями найти и вернуть своего ребёнка, пропавшего без вести на Кавказе.

Одна государственная бумага была раскрыта: «Уважаемая Вера Ивановна! ...при наличии решения суда статус пропавшего или отсутствующего солдата возлагает на государство ответственность за его пропажу. Но признать солдата безвестно отсутствующим суд может только по истечении года после последних известий о человеке». Как удар матадора, как осколок гранаты, эта «металлическая» отписка пришлась в материнское сердце, надорванное войной.